UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00015595385

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pechatitsenzura00lvov

PN4748
MC .R8
RC4

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

В. Львовъ-Рогачевскій.

ПЕЧАТЬ и ЦЕНЗУРА.

Складъ изданій: Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ, книжный магазинъ Д. П. Ефимова.
1906.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,
Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

Свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ прикрываетъ ложь.

К. Аксаковъ.

Свободное слово, безсмертное слово,
Ты—пламенный свѣточъ во мракѣ былого—
Ты въ рабствѣ томилось въ теченье вѣковъ,
На пыткѣ, въ темницѣ, подъ гнетомъ оковъ.
Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предавъ поруганью,
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча....
. . . . . .

О. Чюмина.

(Изъ сборника „Въ защиту слова“.)

Надъ вольной мыслью Богу не угодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ.

А. Толстой.

ВВЕДЕНІЕ.

Печать на Западѣ.

Граждане всего міра съ глубокимъ почтеніемъ и особенной любовью относятся къ одной великой державѣ: ея владѣнія—весь міръ, ея подданные—все человѣчество, ея властелины—рыцари духа, ея державное знамя—братство народовъ, ея оружіе—свободное слово, оружіе, выкованное изъ духа новаго времени, ея исторія—это исторія величайшихъ побѣдъ „надъ неправдою лукавою“ и надъ мракомъ ненавистнымъ.

Названіе этой великой державы—печать.

Сила печати огромна. Одинъ изъ величайшихъ деспотовъ прошлаго вѣка, ненавидѣвшій печать и боровшійся съ ней, принужденъ былъ сознаться, что четыре враждебныхъ газеты могутъ нанести болѣе чувствительный уронъ, чѣмъ 100.000 солдатъ

въ открытомъ бою—такъ говорилъ Наполеонъ I-ый, а, вѣдь, этотъ человѣкъ зналъ толкъ въ военномъ дѣлѣ и одержалъ немало побѣдъ на своемъ вѣку. Наполеонъ говорилъ о четырехъ враждебныхъ газетахъ; печать—это тысячи такихъ газетъ, тысячи журналовъ, милліоны книгъ. Какой Наполеонъ осмѣлится сразиться съ такой арміей? Въ одномъ только Парижѣ издавалось въ 1897 году 2327 газетъ и журналовъ. Въ Германіи въ 1902 году число изданій періодическихъ, то-есть выходящихъ ежедневно, еженедѣльно, ежемѣсячно, правильно повторяясь черезъ опредѣленные промежутки, было 8668 только на нѣмецкомъ языкѣ. На однѣ газеты (3337) въ Германіи подписывалось свыше 12.192.780 человѣкъ, т.-е. почти четвертая часть всего населенія страны. Въ Австріи за 1899 годъ разошлось по всей странѣ 225 милліоновъ номеровъ различныхъ газетъ. Въ Японіи выходило на японскомъ языкѣ въ 1886 году періодическихъ изданій 2000 [1]). У насъ въ Россіи газетъ и журналовъ выходитъ—1350. Въ

[1]) Въ 1879 году въ той же Японіи издавалось всего 266 період. изданій.

Америкѣ издаются газеты и журналы на 25 языкахъ. Даже американскіе негры издаютъ своихъ газетъ 139 и подписываются на эти газеты свыше 200.000.

Въ Америкѣ въ 1880 году газетъ и журналовъ выходило 11.314, а въ 1900 году уже 21.272. Всякое поселеніе въ этой странѣ, въ которомъ не менѣе 500 жителей, имѣетъ свою газету, а болѣе мелкіе поселки свой мѣстный листокъ. На каждаго жителя Новаго Свѣта, безъ различія пола и возраста, включая и грудныхъ младенцевъ, въ 1900 г. приходилось болѣе, чѣмъ по одному экземпляру періодическаго изданія... Большая часть американскаго населенія читаетъ и журналы.

Какое дальнобойное и скорострѣльное орудіе самой новѣйшей и усовершенствованной системы сможетъ угнаться за двойной, ротаціонной системы, машиной англійской газеты „Таймса“, машиной, которая выбрасываетъ изъ своего жерла за одинъ часъ 30.000 номеровъ этой газеты, отпечатанной, разрѣзанной, сложенной и готовой распространиться въ отдаленнѣйшихъ уголкахъ земного шара?

560 лѣтъ тому назадъ въ городѣ Майнцѣ „искатель свѣта“ Іоганнъ Гуттенбергъ изобрѣлъ печатный станокъ и положилъ начало „великой державѣ“, имя которой—печать. Изъ кельи монаха и кабинета ученаго мысль разлилась по всему міру, и каждое „изъ свѣта и пламени сотканное слово“ становилось апостоломъ истины, добра и красоты и шло научить „вси языцы“. Оно раскрывало глаза понемногу забитому люду.... Оно стучалось въ сердца равнодушныхъ и будило спящихъ, оно, звеня и сверкая, вмѣшивалось въ борьбу классовъ, въ борьбу господъ и рабовъ и возвѣщало, что въ старомъ обществѣ, въ нѣдрахъ его, уже зародился новый и лучшій строй, оно клеймило отжившій старый порядокъ, оно выдвигало на мѣсто разложившихся идей, покрытыхъ плѣсенью, понятія, новые взгляды, новыя мысли, служившіе будущему. Печать не *порождала* новый порядокъ, но она *возвѣщала* его рожденіе, она развивала сознаніе угнетеннаго новаго класса, заинтересованнаго въ разрушеніи стараго порядка и торжествѣ новыхъ формъ, и, тѣмъ самымъ, ускоряла и облегчала муки родовъ.

Когда церковь изъ защитницы бѣдныхъ и темныхъ стала ихъ притѣснительницей, угнетенные возстали, началась реформація, и печать помогла разрушить царство духовенства, кровавый фанатизмъ изувѣровъ. Она провозгласила свободу совѣсти, торжество науки и жизни надъ мракомъ подземелья и надъ кострами палачей. Фанатизмъ духовенства дополнилъ, а затѣмъ замѣнилъ деспотизмъ королей-помѣщиковъ, королей-крѣпостныхъ.

Человѣкъ, крѣпкій землѣ, становился рабомъ своего господина, становился вещью, задыхался подъ гнетомъ повинностей и тяжелыхъ притѣсненій. Началась французская революція, безправные возстали противъ угнетателей, угнетенные и обиженные, противъ всемогущихъ господъ, и снова печать стала вѣстницей освобожденія, она грудью стала противъ стараго порядка на защиту третьяго сословія крестьянъ, купцовъ и ремесленниковъ, лишенныхъ правъ и обращенныхъ въ ничто... Она провозгласила равенство, братство и свободу... и всѣ враги свободы всегда боролись съ печатью.

Глава I.

Папы и печать.

Первыя преслѣдованія печати начались въ средніе вѣка.

Уже къ концу XV-го вѣка 200 городовъ имѣли свои типографіи, и та самая церковь, которая готова была сначала привѣтствовать въ только что родившейся печати „Божественное искусство“, уже вскорѣ увидѣла въ ней „дьявольское навожденіе“ и начала сжигать печатныя еретическія книги, лить кровь людскую во имя Божіе, отдавать епископамъ на предварительный просмотръ для оцѣнки каждое произведеніе писателя, считая книгу „опаснымъ ядомъ“.

Духовные пастыри придумали предварительную цензуру, первые пустили въ жизнь ненавистныя слова „дозволено“ и „запрещено“, первые опубликовали „Списки запрещенныхъ книгъ“.

Велика была сила папы и его прислужниковъ — кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ. Папство рѣшало судьбы министровъ и королей, основывало и разрушало

государство, заставляло служить своей власти народы, самое общество „опапилось“. Но не въ силахъ было папство удержать исторію на мѣстѣ, умертвить мысль и подчинить человѣческую волю мертвящей системѣ, ибо въ исторіи все движится, все течетъ, все развивается, одно отмираетъ, другое зарождается по законамъ, которые нисколько не зависятъ отъ приказаній или запрещеній папы, министра или короля.

Если церковь древне-христіанская говорила больнымъ и нуждающимся: „пріидите и Я успокою васъ“, то церковь средневѣковая требовала: „пріидите и принесите десятую часть вашего имущества“, и если церковь апостольская своихъ служителей призывала на подвигъ, то церковь средневѣковая собирала епископовъ для интригъ при папскомъ дворѣ. Если церковь апостольская была носительницей свѣта, то церковь средневѣковая — гасительницей истины.

Всѣ, кто принималъ къ сердцу интересы неимущихъ, почти неизбѣжно возставали противъ папской церкви, ибо въ средніе вѣка она была властительницей душъ и

тѣлесъ, она стояла во главѣ имущихъ, она была „собирательницей земли“ и обирательницей народовъ, она обладала огромнѣйшими богатствами и не только духовно, но и экономически налагала свою печать на общественныя отношенія. Папство съ его проповѣдью „не отъ міра сего“—здѣсь на землѣ, а не въ небесной обители, воздвигло свое царство и проявило самые алчные и самые земные аппетиты. Доходныя духовныя должности въ Германіи, напримѣръ, дѣлались предметомъ самаго открытаго и позорнаго торга. Папа, этотъ намѣстникъ Христа въ Римѣ, Христа, нѣкогда изгнавшаго торгующихъ изъ храма, продавалъ духовныя должности тому, кто давалъ больше, а иногда предоставлялъ за соотвѣтствующую плату крупнымъ торговымъ компаніямъ, а эти компаніи сдавали доходные приходы въ аренду тѣмъ, кто давалъ больше.

Папская церковь повиновалась, но повиновалась со скрежетомъ зубовъ и при всякомъ удобномъ случаѣ возставала противъ власти папства.

Большая половина среднихъ вѣковъ заполнена непрерывной борьбой различнѣй-

шихъ классовъ и странъ противъ папскаго владычества.

Папская церковь давно уже покончила съ истиннымъ христіанствомъ, религіей рабовъ, она стала господствовать, въ духѣ своего господства толковать ученіе Христа. И вотъ неимущіе — „эти труждающіе и обремененные“ въ истинномъ ученіи Христа— стали искать защиты отъ папства. Всѣ эти враги папской церкви, ненавистные еретики, апостольскіе братья, беггарды, лолларды, табориты и другіе „нищенствующіе ордена“ говорили, что Христосъ и его ученики были бѣдными, требовали отъ своихъ послѣдователей добровольной бѣдности и учили, что церковное имущество, если таковое существовало, принадлежитъ не духовенству, а всей христіанской общинѣ, какъ во времена древняго христіанства.

Враги папской церкви, рѣшившіеся *думать по своему*, проявили ревностную заботу о томъ, чтобы привлечь какъ можно больше единомышленниковъ, какъ можно шире распространить тѣ ученія, которыя они признавали истинными, разъясняющими „чистое слово Божіе“.

Богемскіе братья, предписывавшіе духовенству не имѣть никакого имущества, овладѣли искусствомъ книгопечатанія тотчасъ же послѣ его изобрѣтенія съ большою поспѣшностью. Число сочиненій, выпущенныхъ съ основанія секты до ея почти полнаго уничтоженія, гораздо больше числа произведеній всѣхъ прочихъ отраслей литературы за тотъ періодъ времени. Къ началу XVI вѣка въ Богеміи существовало 5 типографій, изъ нихъ *одна* католическая, а три, принадлежавшія богемскимъ еретикамъ.

Во всѣхъ странахъ противъ папства вырастали еретическія ученія и отвлекали милліоны неимущихъ отъ вѣрности папскому престолу.

Противъ пагубныхъ заблужденій выступила воинствующая папская церковь.

Папа Александръ VI издаетъ „Буллу“ въ 1501 г., устанавливающую правильную духовную цензуру въ четырехъ нѣмецкихъ провинціяхъ, а послѣдующія повелѣнія другихъ папъ указываютъ все новыя мѣстности, гдѣ должна дѣйствовать цензура.

Представители духовной власти начинаютъ съ усердіемъ охранять „древо позна-

нія добра и зла“ отъ грѣшныхъ людей, захотѣвшихъ стать мудрыми, какъ Боги.

„Отнынѣ и впредь на вѣчныя времена,— возвѣщаетъ папа Левъ X,—никто не смѣетъ ни въ Римѣ, ни въ какихъ-либо другихъ городахъ... напечатать какую-нибудь книгу... иначе, какъ по тщательномъ разсмотрѣніи и по собственноручномъ подписаніи одобренія въ Римѣ нашего викарія“.

Нарушителямъ этого предписанія грозитъ, сверхъ отобранія книги и публичнаго ихъ сожженія, уплата 100 дукатовъ въ папскую казну, закрытіе типографіи на одинъ годъ и отлученіе отъ церкви. Въ случаѣ упорства на виновныхъ епископы могутъ налагать и другія наказанія, „чтобъ другимъ не повадно было“.

Какъ должны были свирѣпствовать ревностные хранители правовѣрія, если еще до изданія папскихъ постановленій инквизиторы имѣли обыкновеніе для праздничной иллюминаціи жечь напечатанныя книги еврейской библіи, талмуда и корана!

Ѳома Торквемада еще въ 1490 году одинъ сжегъ 6000 томовъ, „зараженныхъ жидовствомъ“.

Кромѣ цензуры, стремившейся „безъ дальнѣйшаго промедленія остановить гнусное зло... ложныхъ и пагубныхъ ученій“, духовенство изобрѣло и другую мѣру. Оно издавало каталоги или списки книгъ запрещенныхъ (index librorum prohibitorum), и горе тѣмъ, у кого при обыскѣ находили преступныя книги, тлетворное вліяніе которыхъ расшатывало „незыблемыя основы“ папской церкви.

Какъ составлялись каталоги запрещенныхъ книгъ, видно изъ того, что библія, которую въ XIII вѣкѣ велѣлъ перевести на испанскій языкъ король Кастильскій Альфонсъ X, въ XVI вѣкѣ была воспрещена наравнѣ съ Кораномъ. „Божественная комедія“ Данте была воспрещена испанскимъ каталогомъ—index' омъ изъ-за трехъ мѣстъ, одно изъ нихъ, между прочимъ, было полно негодующихъ упрековъ противъ папы Бонифація VIII.

Съ цензурой и списками книгъ запрещенныхъ выступила церковь на защиту своихъ земныхъ интересовъ противъ тѣхъ, кто дѣйствительно проникался евангельскимъ духомъ, противъ тѣхъ, кто ратовалъ за благо

неимущихъ, кто указывалъ на вопіющее противорѣчіе между словомъ и дѣломъ „Ихъ Святѣйшествъ“.

Воздвигая гоненія на печать, папы говорили: „При тѣхъ удобствахъ, какія божественное искусство книгопечатанія дало для пріобрѣтенія знанія, нашлись нѣкоторыя лица, злоупотребляющія этимъ изобрѣтеніемъ, употребляющія во вредъ человѣческому роду то, что предназначено къ просвѣщенію“. Желая спасти человѣческій родъ, а главное свои безгрѣшные доходы, которые доставлялъ темный людъ, покупавшій у святыхъ отцовъ индульгенціи, чтобы получить отпущеніе грѣховъ, папы предлагали *совершенно уничтожить книгопечатаніе*. Это было въ XVI вѣкѣ во Франціи, когда вмѣстѣ съ реформаціей туда проникли новыя ученія противъ папства. И это предложеніе нисколько не имѣло въ виду „просвѣщенія“. Убить пытливую мысль взыскующихъ вышняго града, спасти независимую власть торгующихъ въ храмѣ—вотъ, чего хотѣли папы.

Чего достигали иногда папы своимъ отстаиваніемъ дѣла церкви, показываетъ исторія Испаніи, гдѣ цензура и костры съ особенной

силой свирѣпствовали и гдѣ въ народѣ была снова сила сопротивленія.

Испанскій народъ въ концѣ XV вѣка, то-есть въ ту пору, когда инквизиція приняла на себя заботу о его вѣчномъ и временномъ спасеніи, стоялъ по своему благосостоянію на первомъ мѣстѣ среди европейскихъ націй, а въ концѣ XVII вѣка, когда инквизиція успѣла наложить на него свою печать—на самомъ послѣднемъ... Обширныя испанскія владѣнія самымъ позорнымъ для монархіи образомъ отходили кусокъ за кускомъ въ руки народовъ, не знавшихъ благодѣяній папской власти и не хотѣвшихъ знать. Испанія слабѣетъ непрерывно, ея несчастный народъ вырождается. Онъ словно умеръ... Его терзаютъ бѣдствія, нищета, голодъ... Но бѣдный, убитый народъ недвижимъ и холоденъ, какъ трупъ. За три столѣтія инквизиціи удалось переработать инспанскій народъ по образу своему и подобію. Системой устрашенія и цензурой, вторгавшейся въ мысль живого человѣка, инквизиція сдѣлала испанскій народъ образцовой націей—единодушной и строго замкнутой въ дѣлахъ вѣры, недоступной вліяніямъ извнѣ, безмолвной и

покорной. „Успѣхъ,—писалъ одинъ іезуитъ,—превзошелъ всѣ ожиданія“.

Но удалось ли папамъ со всѣми ужасами инквизиціи и нелѣпостями цензуры задержать реформацію? Нѣтъ, не удалось. Не они убили реформацію, а реформація убила папство.

Глава II.

Короли и печать.

Вслѣдъ за папскими буллами послѣдовали королевскіе законы о введеніи и организаціи предварительной цензуры.

Въ Англіи первое постановленіе королевской власти относилось къ 1530 году, а затѣмъ послѣдовало дальнѣйшее развитіе первоначальнаго распоряженія въ цѣлую систему въ 1585 и еще подробнѣе въ 1637 году. Въ Германіи первый законъ свѣтской власти относится къ 1521 году, направленный противъ Лютера и утвердившій распоряженіе духовной власти. Въ 1548 году силою особаго „имперскаго полицейскаго уста-

ва“ временная цензура превратилась въ постоянное учрежденіе.

Во Франціи свѣтская власть впервые начинаетъ публиковать распоряженія о предварительной цензурѣ въ 1538 году.

Правительственная власть черезъ особо назначаемыхъ лицъ или цѣлыя комиссіи строго наблюдала за издательствомъ, распространеніемъ печатныхъ произведеній, за содержаніемъ каждой выходящей книги, на которой непремѣнно должны были выставляться имена типографщика, издателя и автора. Число типографій строго ограничивалось, для того, чтобы легче было слѣдить за печатаніемъ только разрѣшенныхъ книгъ, и горе тому типографщику, у котораго при обыскѣ находили произведенія, „противныя доктринѣ и дисциплинѣ... церкви, или государству, или правительству“, горе автору, осмѣлившемуся высказать „возмутительныя, еретическія или соблазнительныя мысли“— ихъ ждали штрафы, тюрьмы, позорный столбъ, клеймленіе, изувѣченіе и даже смертная казнь.

Образчикомъ жестокости, съ которою преслѣдовались нарушители закона о печати,

можетъ служить страшная казнь, которой подвергся типографщикъ Твинъ, осмѣлившійся тайно напечатать политическій памфлетъ, недозволенный цензоромъ. На Твина былъ сдѣланъ доносъ Лестранжу, который распорядился произвести у него ночью обыскъ, и, поймавъ его съ поличнымъ, предалъ суду. Несчастный типографщикъ сознался въ своемъ преступленіи, но привелъ въ свое оправданіе, что онъ не зналъ содержанія памфлета и считалъ его совершенно безвреднымъ, а такъ какъ онъ очень бѣденъ и ему надо заботиться о кускѣ хлѣба для своей семьи, то онъ и рискнулъ напечатать памфлетъ, чтобы заработать деньги. Судъ нашелъ его виновнымъ. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни: его должны были предварительно повѣсить за руки, затѣмъ вскрыть ему животъ, выпустить внутренности и, на его глазахъ, пока онъ живъ, изжарить ихъ, послѣ того его четвертовать, отрѣзать голову и части тѣла выставить въ разныхъ мѣстахъ...

Это было въ XVII вѣкѣ въ Англіи.

Въ теченіе всего періода властвованія Лестранжа надъ печатью журналисты и

типографщики подвергались самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ, хотя, впрочемъ, ни одинъ не подвергался такой страшной казни, какая была произведена надъ Твиномъ „для примѣра“. Но кнутъ, висѣлица, позорный столбъ, каторжныя работы и т. п. были обычными способами наказанія для нарушителей закона о печати. Время управленія Лестранжа можетъ быть названо „временемъ террора“ для англійской журналистики... [1]).

А вотъ что происходило во Франціи, гдѣ за тридцать два года до революціи въ 1757 г. грозили смертной казнью „всѣмъ, кто будетъ уличенъ въ составленіи и печатаніи сочиненій, заключающихъ въ себѣ нападки на религію или клонящихся къ возбужденію умовъ, оскорбленію королевской власти и колебанію порядка и спокойствія королевства.“

До какихъ огромныхъ размѣровъ доходило жестокое гоненіе, которому подвергалась съ этого времени литература, можетъ вполнѣ понять тотъ, кто изучилъ во всей подробности исторію Франціи въ XVIII сто-

---

[1]) Пименова, „Развитіе період. печати въ Англіи“ стр. 392.

лѣтіи. То не былъ одинъ изъ тѣхъ послѣднихъ случаевъ притѣсненій, которые встрѣчаются здѣсь и тамъ; это было продолжительное и систематическое стремленіе задушить всякое изслѣдованіе и наказать всѣхъ изслѣдователей. Если составить списокъ всѣхъ литераторовъ, которые писали въ теченіе семидесяти лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертью Людовика XIV, то окажется, что, по крайней мѣрѣ, девять изъ каждаго десятка претерпѣли отъ правительства тяжкія обиды, а большинство изъ нихъ было даже посажено въ тюрьму...

Между авторами, которые были наказаны, Бокль встрѣчалъ имена почти всѣхъ французовъ, сочиненія которыхъ пережили тотъ вѣкъ, въ который были написаны. Среди тѣхъ, которые подверглись или конфискаціи имущества, или заключенію, или ссылкѣ, или штрафамъ, или запрещенію ихъ сочиненій, или позорному принужденію отречься отъ того, что ими написано, великій историкъ нашелъ, кромѣ множества второстепенныхъ писателей, имена Бомарше, Беррюе, Бужана, Бюффона, Д'Аламбера, Дидро, Дюкло, Фрерэ, Гельвеція, Ла-Гарпа,

Ленге, Мабли, Мармонтеля, Монтескье, Морелле, Рэналя, Руссо, Сюарда, Тома и Вольтера.

Всего за девять лѣтъ до революціи, когда никакія земныя силы не могли спасти учрежденія Франціи, правительство было въ такомъ невѣдѣніи объ истинномъ положеніи дѣлъ и до того было убѣждено въ возможности укротить духъ, возбужденный его же деспотизмомъ, что одно должностное лицо (генеральный адвокатъ) сдѣлало въ 1780 году предложеніе уничтожить всѣхъ издателей и не дозволять печатать никакихъ книгъ, исключая тѣхъ, которыя будутъ исходить изъ прессы, оплачиваемой, опредѣляемой и контролируемой исполнительною властью. Это чудовищное предложеніе, будь оно приведено въ дѣйствіе, естественно отдало бы въ руки короля все вліяніе, какимъ можетъ располагать литература.

И въ Австріи и въ Германіи печать была не менѣе закрѣпощена, и тамъ съ величайшей энергіей охранялись незыблемыя основы королевской власти и власти помѣщиковъ надъ крестьянами, и тамъ журналистовъ бросали въ казематы со скованными руками

и ногами, и тамъ годы преслѣдованія печати поистинѣ были „годами мученичества.“

Эти преслѣдованія становились нелѣпыми и невыносимыми, когда въ другихъ сосѣднихъ странахъ угнетенный народъ возставалъ противъ стараго порядка и хранителей его. Въ Австріи, напримѣръ, въ 1848 году воспрещалось писать о событіяхъ въ Парижѣ, а правительственнымъ газетамъ поручено было освѣщать событія такъ, чтобы всякому ясно было, какое счастье быть подданнымъ австрійскаго императора, подданнымъ государства, въ которомъ все обстоитъ благополучно.

Когда дворецъ короля находился въ Парижѣ въ рукахъ народа, правительственныя газеты Австріи сообщали: „Парижъ совершенно спокоенъ“...

Въ Германіи точно такъ же воспрещалось писать о революціонныхъ событіяхъ 30-го года, происходившихъ во Франціи.

Цензора съ ожесточеніемъ набрасывались на все, что напоминало о существованіи народа, о его правахъ тамъ, гдѣ царила власть короля—перваго помѣщика и его

всевластныхъ министровъ. Слова „нація“, „свобода“, „конституція“ были словами нецензурными. Національное достоинство топталось. Порабощенный народъ не долженъ былъ слышать о правахъ и свободѣ. Онъ долженъ былъ трудиться, терпѣть, служить своимъ господамъ и хранить вѣрность возлюбленному королю.

Благонамѣренная печать и дѣйствовала въ этомъ духѣ, а неблагонамѣренная печать должна была молчать и молчала!

А если писатель хотѣлъ говорить, онъ покидалъ родину, основывалъ вольный станокъ и посылалъ своимъ соотечественникамъ свои вольныя статьи съ того берега. Такъ дѣлали и Гейне, и Берне, и другіе лучшіе граждане своей страны, обреченной на вынужденное молчаніе.

И вотъ что писали изъ Франціи, гдѣ казненъ былъ король и разрушена ненавистная народу Бастилія, Гейне и Берне на родину о цензурѣ:

„Наши остряки принуждены воздерживаться отъ всякихъ намековъ на дѣйствительныхъ высокопоставленныхъ особъ и за это ограниченіе вознаграждаютъ себя напа-

деніемъ *на театральныхъ королей и кулисныхъ принцевъ*. Не имѣя почти никакихъ политическихъ журналовъ, мы всегда были тѣмъ благодатнѣе надѣлены безчисленнымъ количествомъ эстетическихъ газетъ, наполненныхъ исключительно пустыми сказочками и театральными рецензіями, такъ что, взглянувъ на наши періодическія изданія, почти можно было подумать, что вся германская нація состоитъ только изъ болтливыхъ нянюшекъ да театральныхъ критиковъ. Но такое заключеніе было бы ошибочнымъ. Насколько подобное бумагомаранье мало удовлетворяетъ насъ, это стало ясно послѣ іюльскихъ дней, лишь только, повидимому, было дозволено свободное слово и въ нашемъ дорогомъ отечествѣ. Внезапно появились газеты, разбиравшія хорошую или дурную игру не театральныхъ, *а дѣйствительныхъ высокопоставленныхъ* особъ, и не одна изъ этихъ послѣднихъ, забывшая свою роль, была освистана въ собственной резиденціи".

Такъ писалъ Генрихъ Гейне, острившій, что нѣмецкіе цензоры хотятъ достигнуть уничтоженія цензуры запрещеніемъ всѣхъ

изданій: „Если бы у насъ запретить всѣ изданія, то и цензуры не будетъ у насъ“...

„Цензура!—писалъ Л. Берне въ 1819 году,—слово, которое самаго легкомысленнаго, веселѣйшаго, беззаботнѣйшаго вѣтрогона превращаетъ въ меланхолика, серьезное размышленіе доводитъ до изумленія и ужаса, угрюмѣйшаго брюзгу заставляетъ разражаться неудержимымъ хохотомъ! Слово—въ одно и то же время страшное и смѣшное, возвышенное и мизерное, удивительное и дюжинно-нелѣпое, смотря по тому, знаменательные ли и важные результаты преслѣдуетъ и достигаетъ она, или у ней въ виду цѣль чисто ребяческая, да и то ею недостигаемая.

. . . „Дѣйствія цензуры въ томъ видѣ, въ какомъ они проявляются въ отношеніи къ „Газетѣ вольнаго города Франкфурта“, не могутъ быть описаны никакими словами. Ее нельзя упрекнуть въ строгости и невозможно похвалить за снисходительность. Она не слѣдуетъ никакимъ принципамъ—ни справедливости, ни мягкосердечія, ни благоразумія. У нея нѣтъ никакихъ правилъ, никакихъ постороннихъ указаній, ни·

какихъ собственныхъ мнѣній. Въ ней неизмѣнчива только ея измѣнчивость, постоянно только ея непостоянство. Пусть бы бы ужъ она слѣдовала, по крайней мѣрѣ, своимъ воззрѣніямъ на свободу слова и печати и этимъ указывала опредѣленное направленіе редакціи газеты. Но часто вымарывается то, что 24 часа спустя дозволяется къ печатанію... Цензура поступала одинаково непостижимо какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она не препятствовала печатанію, такъ и въ тѣхъ, гдѣ она являлась преградой. Ея „дозволено“ и „не дозволено“ были равно изумительны“.

Далѣе великій сатирикъ жаловался на пріемы цензоровъ, безъ всякаго стѣсненія уничтожавшихъ работу писателя и заставлявшихъ его объ этомъ молчать, оставляя читателя въ невѣдѣніи.

„Запрещеніе цѣлыхъ статей еще не такъ обременительно и мучительно,—писалъ Берне, — какъ исключеніе изъ статьи отдѣльныхъ фразъ и словъ, нарушающее общую связь, производящее безсмыслицу и ставящее редактора въ злополучную необходимость—посягать на монополію полицейскаго

правленія, т.-е. выражаться сквернымъ слогомъ... Редакторъ... замѣщалъ вычеркнутыя цензоромъ мѣста точками или черточками и такимъ образомъ спасалъ честь своего ума и своего стиля... Цензура... сочла невозможнымъ остановиться на этомъ: она стала сперва казнить ненавистныя для нея мысли, а потомъ и преслѣдовать ихъ даже въ могилѣ. Она убивала мои идеи и въ то же время запрещала мнѣ ставить надъ ними надгробные памятники".

Всѣхъ приведенныхъ фактовъ слишкомъ достаточно, чтобы видѣть, что предварительная цензура дѣйствовала безъ послабленій. Добросовѣстно работали цензоры и спасли отечество!

Но, увы! Не спасли папскія буллы и списки запрещенныхъ книгъ разлагавшееся папство отъ реформаціи, отъ пробужденія умовъ и религіознаго искательства, отъ возмущенія обираемаго народа и отобранія церковныхъ имуществъ.

Не спасла королевская цензура неограниченныхъ всевластныхъ „королей Божіей милостью" отъ возстанія народа и переворота въ общественныхъ и политическихъ

отношеніяхъ, отъ уничтоженія крѣпостного права...

Цензоры были послушными орудіями твердой и сильной власти, они вѣрили въ святость и незыблемость основъ, но жизнь оказывалась сильнѣе королевскихъ приказовъ и цензорскихъ преслѣдованій. Цензоры задерживали статьи о свободѣ и о правахъ народа, но не могли они задержать никакими декретами развитія страны, разъ она уже вступала на путь этого развитія.

Они преслѣдовали подстрекателей и агитаторовъ, проповѣдывавшихъ идеи возмутительнаго мятежнаго содержанія, но они были безсильны передъ ростомъ капитала, ростомъ фабрикъ и заводовъ, ростомъ машинъ, а, вѣдь, каждая машина являлась подстрекательницей и каждая фабрика несла съ собой ядро революціи.

Цензоры могли губить печать, убить разумное вдохновенное слово, но что они могли сдѣлать *съ духомъ времени*, смѣявшимся надъ цензурой и надъ живыми мертвецами и уже рывшему могилу старому порядку...

Цензура предварительная отживала свой вѣкъ, и ее повсюду уничтожали.

Глава III.

Капиталъ и печать.

На смѣну крѣпостного сословнаго государства, основаннаго на преимуществахъ однихъ и безправіи другихъ, явился новый порядокъ. Короля-помѣщика замѣнилъ король-буржуа, сословіе помѣщиковъ уступило дорогу классу капиталистовъ... Вмѣсто прежнихъ благородныхъ и безправныхъ выступили на арену исторіи богатые и бѣдные...

И сказалъ милостивый король своему народу: „Господа, обогащайтесь“. И наполнились восторгомъ сердца лавочниковъ и промышленниковъ: „Да здравствуетъ король-гражданинъ! Да здравствуетъ порядокъ!“—кричали добрые граждане.

Но и въ новомъ порядкѣ оказались прорѣхи. И въ новомъ порядкѣ далеко не всѣмъ жилось „вольготно-весело“. Правда, одни „обогащались“, какъ никогда прежде,

и не было границъ этому обогащенію. Это была истинная свобода промышленности... Но въ то же время другіе бѣднѣли, и нищетѣ тоже не было границъ, и это было истинное рабство людей, живущихъ продажей рабочей силы изо дня въ день и требующихъ „хлѣба и работы“.

И при новомъ порядкѣ оказались классы недовольные, угнетенные, стали возмущаться противорѣчіями буржуазнаго строя, стали добиваться такого строя, гдѣ нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ.

Буржуазныя правительства, правительства, являвшіяся приказчиками капиталистовъ, снова съ усиленной строгостью принимались за печать... Надо спасать *частную собственность*, ибо она священна и неприкосновенна.

Но какъ же расправиться съ печатью? И вотъ, придумывается *система* предупрежденій и пріостановокъ газетъ и журналовъ.

Революція 30-го года во Франціи произошла тотчасъ же послѣ правительственнаго сообщенія о возстановленіи предварительной цензуры и о распущеніи народныхъ представителей королемъ Карломъ X. Новый

король Луи-Филиппъ торжественно возвѣстилъ, что „цензура во Франціи отмѣняется и *никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ быть возстановлена*“. Такія торжественныя заявленія всегда даютъ короли во время народныхъ возстаній, а затѣмъ, занятые высшими государственными соображеніями, невзначай забываютъ о нихъ и снова принимаются за старое, подавая его подъ новымъ соусомъ. Такъ было и съ „свободой печати“. Наполеонъ III, путемъ преступнаго переворота превратившійся изъ президента, присягавшаго республикѣ, въ короля-буржуа, первымъ дѣломъ опубликовалъ конституцію 14 января 1852 года и въ этой конституціи совершенно забылъ упомянуть о свободѣ печати. Однако, онъ помнилъ, чѣмъ пахнетъ возстановленіе „предварительной цензуры“ и, не рѣшаясь испытывать терпѣніе народа и призывать кровавый призракъ революціи 30-го года, онъ превратилъ свободу печати въ свободу молчанія другимъ очень остроумнымъ путемъ.

Разумѣется, помогли ему въ этомъ мудрые совѣтники. Имя одного изъ нихъ, Ру-

эра, никогда не будетъ забыто исторіей. Руэръ помнилъ, что предварительная цензура никогда не будетъ возстановлена въ лицѣ *правительственныхъ* цензоровъ, и онъ изобрѣлъ систему, которая привела въ восторгъ и Наполеона и его совѣтниковъ. Эта система обрушивалась на произведенія авторовъ не *прежде* напечатанія, въ видѣ *предварительной* цензуры, а уже *послѣ* появленія ихъ въ печати, въ видѣ *предостереженія*.

Редакторы могли въ своихъ газетахъ говорить все, что угодно, но только помнить, что за каждое смѣлое слово ихъ ждетъ первое предостереженіе, затѣмъ второе, третье, а тамъ и закрытіе, если редакторъ неисправимъ.

Такимъ образомъ, цензуры не было, а, между тѣмъ, все находилось подъ зоркимъ наблюденіемъ самихъ журналистовъ. Они сознавали, что безопасность ихъ газеты зависила отъ ихъ „благоразумія“. Малѣйшая дерзость могла погубить дѣло. Какъ школьники, они пугливо озирались по сторонамъ, вмѣсто того чтобы говорить полнымъ голосомъ, они невольно понижали

тонъ, священный огонь негодованія гасили и превращали пламенную рѣчь въ тепловато-безцвѣтно-невинный лепетъ.

Уже черезъ нѣсколько дней послѣ геніальнаго открытія Руэра, вѣрнаго сподвижника лицемѣрно преступнаго Наполеона III-го, знаменитый журналистъ Арманъ Бертенъ на обѣдѣ у графини Ле-Гонъ съ прискорбіемъ заявилъ: „О декретѣ Руэра можно сказать все, что угодно, кромѣ одного, что авторъ глупъ. Этотъ декретъ меня, журналиста, заставляетъ наблюдать за уклоненіемъ собственной газеты и *дѣлаетъ изъ меня дарового чиновника, призваннаго противодѣйствовать нападкамъ противъ конституціи и охранять порядокъ къ выгодѣ правительства...*“ [1]).

Цензура могла сказать о себѣ, какъ крыловская муха: „коль выгонятъ въ окно, такъ я влечу въ другое“, такъ какъ благодаря этой мудрой системѣ предостереженій отвѣтственный редакторъ превращался въ собственнаго цензора и начиналъ не хуже цензора, назначеннаго отъ правительства,

---

[1]) См. „Полицейское право“ Дерюжинскаго, стр. 135.,

вымарывать статьи слишкомъ горячихъ и несдержанныхъ сотрудниковъ. „Дѣйствуя такимъ образомъ,—писалъ въ своемъ циркулярѣ министръ полиціи Мона въ 1852 г.,—въ годъ изданія закона о предостереженіяхъ правительство дало удовлетвореніе требованіямъ честныхъ людей, и оно обнаружило строгость лишь по отношенію къ тѣмъ, кто желаетъ превратить печать въ орудіе для разрушенія общественнаго строя".

Предварительной цензуры не было, но и системы предостереженій было достаточно, чтобы въ столицѣ осталось вскорѣ всего 11 изданій, изъ которыхъ четыре писались подъ диктовку приближенныхъ Наполеона.

Эта система обрушивалась, главнымъ образомъ, не на тѣхъ, кто „обогащался" и кому всячески помогало въ этомъ правительство ловкихъ дѣльцовъ, а на тѣхъ, кто бѣднѣлъ и кто боролся противъ общественнаго строя, покоившагося на власти капитала.

Печать, недовольная и вредная для правительства, была, главнымъ образомъ, печатью обездоленныхъ и недовольныхъ классовъ.

Но предупрежденій и пріостановокъ было недостаточно. Въ Англіи представители капитала придумали еще прежде Руэра другое средство, болѣе дѣйствительное. Дѣло въ томъ, что дешевая газета становилась насущной потребностью рабочаго класса. Знаніе есть сила. *Этой* силы недоставало голодному обездоленному люду. Но всѣ эти алчущіе и жаждующіе правды, знанія, отвѣта на вопросъ: „Отчего подъ ношей крестной весь въ крови влачится правый“, не могли насытиться, потому что предержащія власти заботливо лишали ихъ духовной пищи, охраняя политическую невинность милліоновъ бѣлыхъ рабовъ. „Министры,—писалъ одинъ изъ вождей чартистовъ,—и люди, стоящіе у власти, *вмѣстѣ почти со всѣми богатыми людьми боятся просвѣщенія народа болѣе, чѣмъ результатовъ народнаго невѣжества.*“

Въ то время, какъ въ 1695 году послѣ второй революціи въ Англіи исчезаетъ цензура и начинаетъ раздаваться свободное слово, правительство уже въ 1712 году придумываетъ дѣйствительнѣйшее средство для того, чтобы преградить въ рабочіе

кварталы доступъ этому свободному слову. Вводится *штемпельный сборъ*—налогъ на каждый номеръ газеты, достигшій въ 1815 г. 16 копеекъ, и налогъ на каждое обьявленіе, достигшій къ тому же времени 1 р. 75 коп.

Благодаря штемпельному сбору, каждый номеръ газеты стоилъ 35 копеекъ, и, разумѣется, дозволить себѣ эту роскошь могли только богатые люди. Бѣдняки же могли съ прискорбіемъ убѣдиться, что заниматься политикой и читать газты имъ не по карману. Штемпельный сборъ воздвигалъ глухую стѣну, которая загораживала свѣтъ и держала въ потемкахъ милліоны.

Недаромъ же этотъ налогъ называли „налогомъ на знаніе“ тѣ, которые, по признанію ихъ враговъ, слишкомъ пристрастились къ газетѣ, ради нея готовы были отказаться отъ куска хлѣба и послѣдній грошъ готовы были отдать на эту вредную прихоть, отвлекающую отъ работы.

Французская революція 1789 года въ своей „Декларації правъ человѣка и гражданина“ провозгласила: „Свободное выраженіе мысли

и мнѣній—одно изъ наиболѣе цѣнныхъ правъ человѣка.“ Каждый гражданинъ въ правѣ, слѣдовательно, говорить, писать и печатать и т. д., но уже въ 1793 году оказалось, что писать и печатать можетъ не всякій, а тотъ, кто уплачиваетъ штемпельный сборъ съ газетъ, кто согласится, проще говоря, продавать по дорогой цѣнѣ каждый номеръ газеты и писать не для бѣдныхъ, а для богатыхъ.

Закономъ 1819 года во Франціи было провозглашено, что никакого спеціальнаго законодательства противъ печати не нужно, а слѣдовательно, нѣтъ надобности и въ предварительной цензурѣ, всѣ же преступленія по печати подлежатъ вѣдѣнію суда присяжныхъ. Но и правительство и собственники хотѣли, чтобы свободная печать находилась въ рукахъ тѣхъ классовъ, которые своимъ положеніемъ въ обществѣ уже достаточно свидѣтельствуютъ о своей умѣренности. Вотъ почему законъ, провозлашавшій свободу печати, требовалъ отъ издателей періодическихъ и „болѣе или менѣе періодическихъ“ политическихъ изданій представленія залога, который доходилъ до

10,000 годового дохода или до 140,000 франковъ капитала. Этотъ залогъ не былъ отмѣненъ во Франціи даже послѣ революціи 30-го года, когда народъ дрался, какъ левъ; правительство только понизило его, причемъ вожди буржуазіи, владѣющей собственностью и признающей, что она „священна и неприкосновенна“, заявляли совершенно открыто: „залогъ долженъ быть сохраненъ, ибо онъ служитъ обезпеченіемъ, показывающимъ, что люди, основывающіе газету, принадлежатъ *къ опредѣленному классу общества*“, т.-е. къ классу, живущему доходами съ капитала.

Это доказывало, чью пользу преслѣдовала буржуазія, возставшая во главѣ рабочихъ противъ короля и помѣщиковъ.

Послѣ революціи 48 года въ первые 4 мѣсяца существовала во Франціи полная свобода печати, штемпельный сборъ и залогъ не требовались отъ издателей, и только за эти мѣсяцы сразу возникло 200 газетъ. Но уже 25 іюня 1848 года, когда войска капиталистовъ расправились съ рабочими, а военная власть стала диктовать свои законы, эта власть прежде всего за-

крыла 11 газетъ, защищавшихъ интересы рабочихъ, а затѣмъ возстановила залогъ. Луи Бланъ, защитникъ интересовъ рабочихъ, протестовалъ въ Учредительномъ Собраніи противъ такого рода обезпеченія на случай злоупотребленій. „Что такое залогъ?— спрашивалъ онъ. — Его можно опредѣлить слѣдующей фразой, написанной на вашемъ законѣ: *свобода печати будетъ существовать для тѣхъ, кто будетъ въ состояніи уплатить опредѣленную сумму; для всѣхъ остальныхъ свобода печати не будетъ существовать*“. Ламенне, издававшій газету для народа, воскликнулъ: „Теперь нужно много, очень много денегъ, чтобы имѣть право говорить... Молчи, бѣднякъ!“

И дѣйствительно, много газетъ сошло со сцены послѣ закона 12 августа 1848 года, будучи не въ силахъ уплатить 24000 франковъ, и въ числѣ этихъ умолкнувшихъ была газета и самого Ламенне.

Руэръ находилъ, что этихъ мѣръ мало, чтобы заставить замолчать бѣдняка. Онъ шелъ далѣе: онъ предложилъ ввести штемпельную систему и при томъ не только на газеты, но и на небольшія дешевыя книжки

и брошюры, говорящія о политикѣ и о рабочемъ вопросѣ. „Эти мѣры,—заявилъ министръ,—дадутъ двойной результатъ: во-первыхъ, они увеличатъ доходъ на 6 милліоновъ франковъ, а во-вторыхъ, спасутъ общество отъ тѣхъ преступныхъ ученій, которыя теперь дешевыя книжки распространяютъ по всѣмъ небольшимъ уголкамъ Франціи“ [1]).

Такъ говорилъ защитникъ буржуазнаго общества, основаннаго на эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, и огромное большинство депутатовъ-собственниковъ аплодировало этому проекту закона.

Когда въ 1871 году народъ возсталъ, и отъ Наполеона III, затѣявшаго позорную войну для успокоенія недовольной страны, не осталось и слѣда, рабочій классъ, захватившій въ свои руки власть, отмѣнилъ всѣ ограниченія, ложившіяся на печать. Но свобода печати продолжалась недолго. Парижъ былъ потопленъ въ крови. „Революція презрѣнія“ закончилась... Имущіе классы стали водворять порядокъ, разстрѣ-

---

[1]) „Исторія 2-ой французской республики“ *Лозинскаго*, стр. 443.

ливать тысячи рабочихъ-коммунаровъ, и вотъ, 6-го іюля 1871 года былъ возстановленъ залогъ съ періодическихъ органовъ, при чемъ сталъ обязателенъ даже и для неполитическихъ изданій, выходящихъ чаще одного раза въ недѣлю, а закономъ 4—11 сентября того же года установленъ былъ сверхъ пошлины на производство всякаго рода бумаги налогъ на бумагу, употребляемую для вносящихъ залогъ періодическихъ изданій.

Въ Австріи король Іосифъ, весьма либерально признавшій за обществомъ „право свободной критики“, вскорѣ одумался и послѣ революціи 1789 года во Франціи нашелъ, что это право свободной критики— слишкомъ опасное оружіе въ рукахъ друзей народа. Закономъ 1792 года вводится вмѣстѣ съ возрожденной цензурой налогъ на газеты въ размѣрѣ полъ-крейцера съ каждаго номера. Правительство, вводя эту послѣднюю мѣру, весьма любезно объясняло, что дѣлаетъ это для того, „чтобы поумѣрить писакъ, наплодившихъ со времени объявленія свободы печати столько безсмыслицъ и нелѣпаго вздора“.

Удалось ли, наконецъ, поумѣрить писакъ и уничтожить то, что противорѣчило убѣжденіямъ и здравому смыслу королей-буржуа? Удалось ли заставить молчать бѣдняка? — Нѣтъ, не удалось! Бѣднякъ, стиснутый въ желѣзныхъ, холодныхъ объятіяхъ нужды, не могъ, не хотѣлъ и не долженъ былъ молчать.

И онъ говорилъ!

Онъ говорилъ все громче и громче, каждое слово свое онъ воплощалъ въ дѣло, а дѣло бѣдняка заставило говорить о себѣ и всесвятѣйшаго папу, и буржуазнаго министра, и гордаго императора Германіи Вильгельма.

— Мы всѣ соціалисты,—заявилъ одинъ изъ англійскихъ министровъ...

Основы, казавшіяся представителямъ капитала „незыблемыми“, шатаются... Нарождается новый порядокъ...

„Кто былъ ничѣмъ, тотъ будетъ всѣмъ“.

Глава IV.

Свободная печать.

Въ настоящее время въ Англіи, Америкѣ, Франціи, Германіи, Австріи и т. д. существуетъ свобода печати, и эти страны вовсе не оказываются въ худшемъ положеніи, чѣмъ Россія, Турція или Китай, гдѣ господствуетъ цензура и свобода молчанія.

Въ Англіи цензура предварительная была уничтожена вскорѣ послѣ революціи 1688 г. въ 1695 году. Но тамъ еще долго существовалъ очень тяжелый для журналистовъ законъ о пасквиляхъ, пользуясь которымъ, правительственная власть жестоко преслѣдовала печать.

Дѣло въ томъ, что журналиста могли обвинить въ составленіи пасквиля, а судъ присяжныхъ даже не могъ судить о виновности обвиняемаго. Присяжные устанавливали только, есть или нѣтъ пасквиль, самъ обвиняемый не смѣлъ доказывать свою невиновность и приводить факты въ подтвержденіе истинности своихъ взглядовъ, высказанныхъ въ статьѣ. Правительственная

власть уже сама изслѣдовала вопросъ о виновности и наказаніи и широко пользовалась этимъ оружіемъ для зажиманія рта.

Въ 1843 году эти уродливыя постановленія были отмѣнены.

Судъ присяжныхъ теперь рѣшаетъ, есть ли пасквиль въ данной статьѣ. Обвиняемый журналистъ приводитъ факты для доказательства своей невиновности и справедливости своихъ обличеній. Присяжные сами рѣшаютъ вопросъ, виновенъ или нѣтъ обвиняемый журналистъ.

Въ 1855 году отмѣненъ штемпельный сборъ,—этотъ бичъ дешевыхъ изданій.

Въ 1869 году былъ отмѣненъ залогъ, заставлявшій молчать бѣдняка.

Въ настоящее время *въ Англіи* нѣтъ никакихъ политическихъ постановленій о свободѣ печати, *но печать тамъ пользуется такой свободою, какъ нигдѣ въ мірѣ.*

Гоненій на печать въ Англіи нѣтъ не только прямыхъ, но и косвенныхъ, подъ разными прикрытіями.

Нападенія на правительство вы встрѣтите въ каждомъ номерѣ.

Когда готовилась южно-африканская война

съ бурами, газеты, нападавшія на разбойничью политику министра Чемберлена, имѣли вполнѣ свободный доступъ даже въ солдатскія казармы.

Въ Америкѣ въ первомъ дополненіи къ конституціи имѣется постановленіе, запрещающее конгрессу издавать какіе-нибудь законы, ограничивающіе свободу печати.

Во Франціи было много законовъ о печати, но послѣднимъ закономъ, являющимся „настоящимъ памятникомъ свободы печати“ и дѣйствующимъ съ нѣкоторыми измѣненіями и понынѣ, былъ законъ 29 іюня 1881 года. Этотъ законъ совершенно устранилъ *всякія предварительныя мѣры, ограничивающія публичное выраженіе мнѣнія.*

Типографское дѣло и книгоиздательство свободны. Только на каждой напечатанной вещи отмѣчаются имя и мѣстожительство хозяина типографіи, да два экземпляра напечатанной вещи посылаются въ національныя коллекціи.

Газеты и журналы издаются безъ предварительнаго разрѣшенія и безъ всякаго залога послѣ заявленія, т.-е. явочнымъ порядкомъ. Приступая къ изданію органа,

издатель представляетъ прокурору республики заявленіе съ указаніемъ: названія газеты, срока ея выхода, адресовъ типографщика и отвѣтственнаго редактора.

Давая свободу печати, законъ въ то же время охраняетъ интересы гражданъ: законъ даетъ право каждому гражданину, названному въ газетѣ, отвѣтить, и газета обязана напечатать его отвѣтъ не позже, чѣмъ черезъ три дня послѣ напечатанія статьи, вызвавшей этотъ отвѣтъ.

„Преступныхъ мнѣній“ законъ не знаетъ. Правительство не сажаетъ въ тюрьмы, не ссылаетъ и тѣхъ, кто нападаетъ на основы республики. Республика достаточно сильна, чтобы не бояться самыхъ горячихъ и злобныхъ нападокъ.

Въ Германіи въ 1874 году былъ изданъ имперскій законъ о печати, дѣйствующій и понынѣ.

По этому закону печать въ Германіи свободна, хотя и имѣются въ этомъ законѣ статьи, дающія возможность толковать ихъ иногда не въ пользу журналистовъ. Въ общемъ, въ германскихъ постановленіяхъ о печати много общихъ чертъ съ французскими.

Въ 1878 году германское правительство пыталось ограничить свободу печати, главнымъ образомъ, придушить печать соціалъ-демократовъ. „Законъ-намордникъ“ возлагалъ на мѣстныя полицейскія учрежденія обязанность „воспрещать всякаго рода произведенія печати, въ которыхъ появляются тенденціи, клонящіяся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя и могутъ угрожать спокойствію“...

Это ограниченіе ни къ чему не привело и заставило лишь на время перенести печатные станки съ родины туда, гдѣ печать свободна.

До 1890 года дѣйствовалъ „Законъ-намордникъ“. Партія соціалъ-демократовъ за это время не погибла, а окрѣпла. Если въ 1877 году передъ изданіемъ закона въ рядахъ соціалъ-демократовъ стояло 500,000, то въ 1890 году ихъ было уже 1,500,000. Правительство убѣдилось, что при ограниченіяхъ печати оно еще въ большей опасности, чѣмъ при свободѣ печати,—убѣдилось и отмѣнило законъ противъ соціалистовъ.

Въ Австріи съ 1869 года преступленія о печати изъ рукъ правительства перешли къ

суду присяжныхъ. Присяжные рѣшаютъ на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ, совершилъ ли преступленіе авторъ статьи или нѣтъ. Не полиція, а судъ присяжныхъ, не произволъ цензора, а законъ, изданный по волѣ народа, охраняютъ общество отъ злоупотребленія печатью. Законъ о газетномъ штемпелѣ былъ отмѣненъ въ Австріи въ 1900 году. Залогъ отмѣненъ въ 1884 г.

Осталось въ Австріи и понынѣ право за государственнымъ прокуроромъ конфисковать номеръ газеты, въ которомъ имѣется преступная статья, не преслѣдуя самого автора судебнымъ порядкомъ; кромѣ того, имѣется тамъ еще законъ, воспрещающій свободную продажу газетъ.

Оба эти закона легко обходятся [1]) и слишкомъ противорѣчатъ понятію о свободѣ печати. Правительство поэтому само уже вошло въ парламентъ съ законопроектомъ, отмѣняющимъ оба ограниченія.

---

[1]) Статья, за которую конфискуется номеръ, обыкновенно по просьбѣ редактора прочитывается въ парламентѣ какимъ-нибудь изъ депутатовъ въ рѣчи по поводу конфискованнаго номера. Послѣ этого уже никто не можетъ задержать статью, и всѣ газеты печатаютъ ее вмѣстѣ съ рѣчью депутата.

Глава V.

Печать въ Россіи.

Нигдѣ въ мірѣ печать не имѣетъ такого огромнаго значенія для блага народа, какъ у насъ въ странѣ. У насъ пока нѣтъ для общественнаго мнѣнія другого прибѣжища, кромѣ печати; наша печать—это нашъ парламентъ. Правительство прекрасно сознавало это и всѣ свои силы напрягало на то, чтобы отнять и это прибѣжище и закрыть парламентъ, въ которомъ и безъ того говорили „шопоткомъ", чтобы не безпокоить безнадежно больного: безнадежно-больному порядку его врачевателі-министры прописывали тишину и спокойствіе...

Какъ же зарождался нашъ парламентъ—печать и какъ водворялись тишина и спокойствіе?

Попробуемъ отвѣтить на это вкратцѣ.

Первая казенная типографія была устроена въ Москвѣ въ половинѣ XVI столѣтія. Первая книга, напечатанная въ Россіи, были „Дѣянія Апостольскія"...

Первыми типографами у насъ были діаконъ

Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславецъ. Вскорѣ, однако, послѣ напечатанія первыхъ книгъ они должны были бѣжать изъ Москвы отъ преслѣдованія темнаго люда, считавшаго ихъ еретиками.

Первая частная типографія была устроена въ Петербургѣ въ 1771 году.

Основателемъ настоящей [1]) газеты былъ Петръ I. 3-го января 1703 года вышелъ первый номеръ „Вѣдомостей о военныхъ и иныхъ дѣлахъ“...

Съ тѣхъ поръ минуло 200 лѣтъ. За эти годы „страна терній, называемая русской литературой“, задыхалась подъ гнетомъ „независящихъ обстоятельствъ“. Исторія русской мысли—это „хожденіе Богородицы по мукамъ“. Опекуны слова имѣли самое неукоснительное наблюденіе за тѣмъ, „чтобы въ печатныхъ книгахъ ничего предосудительнаго вкрасться не могло“. Это наблюденіе поручалось то Духовной Коллегіи въ 1720 г., то Академіи Наукъ въ 1771 г., то

---

[1]) Зачатки газеты у насъ относятся къ XVII столѣтію, когда изъ донесеній должностныхъ лицъ въ Московскомъ Посольскомъ Приказѣ составляли для царя извлеченія. Эти донесенія именуются „*Курантами*“.

„Главной Полицеймейстерской Канцеляріи“, то Управѣ Благочинія въ 1783 году...

Но организація цензуры начинается при Екатеринѣ Великой.

Въ 1789 году произошла великая революція во Франціи, и Екатерина Великая, которая состояла въ перепискѣ съ самимъ Вольтеромъ, отцомъ всѣхъ вольнодумцевъ, и съ Дидро, подвергавшимся вмѣстѣ съ Вольтеромъ неоднократнымъ гоненіямъ за вредныя мысли, Екатерина Великая стала принимать у себя дома своевременныя мѣры противъ писателей, зараженныхъ вольнодумствомъ.

Въ концѣ іюня 1790 года появилась книга „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, въ которой подвергалось осужденію царившее въ Россіи крѣпостное право. Книга стала быстро раскупаться. Но уже 30 іюля 1790 года ея авторъ, Радищевъ, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость и препорученъ Шешковскому, прославившемуся своимъ кнутобойничествомъ.

Екатерина Великая, переписывавшаяся съ Вольтеромъ, предупреждала узника Радищева, что упорство съ его стороны выну-

дить ее *„сыскать доказательствъ“*: подразумѣвалась подъ этимъ пытка.

Радищевъ, осмѣлившійся писать въ своей книгѣ объ ужасахъ крѣпостного права, о томъ, что „крестьянинъ въ законѣ мертвъ“, предавался суду за то, что, по собственному признанію, напечаталъ книгу, „наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвесть въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, наконецъ, оскорбительными выраженіями противу сана и власти царской“.

Къ преступнику были примѣнены статьи законовъ, говорящія „о ворахъ, которые чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла“, или „желающихъ Московскимъ государствомъ завладѣти и государемъ быти“ и т. д.

На основаніи всѣхъ этихъ законовъ 24 іюля приговорили Радищева къ смертной казни.

4 сентября 1790 года смертная казнь была замѣнена по указу Екатерины ссылкой въ Сибирь въ Илимскій острогъ на 10-тилѣт-

нее безысходное пребываніе, гдѣ онъ и оставался до смерти императрицы.

Отправляясь въ ссылку, Радищевъ писалъ:

Ты хочешь знать, кто я? что я? куда я ѣду?
Я тотъ же, что и былъ, и буду весь мой вѣкъ:
Не скотъ, не дерево, *не рабъ, но человѣкъ*,
Дорогу проложить, гдѣ не бывало слѣду,
Для борзыхъ смѣльчаковъ и въ прозѣ и въ стихахъ
Чувствительнымъ сердцамъ и истинѣ я въ страхъ
Въ острогъ Илимскій ѣду.

Въ 1792 году, то есть черезъ два года, 10 мая былъ отвезенъ тайно въ Шлиссельбургскую крѣпость другой другъ народа, Новиковъ. Онъ сталъ издавать книги для народа, а журналы его „Трутень“ и „Живописецъ“ были мало похожи на тѣ, въ которыхъ писала сама императрица Екатерина Великая. Тѣ издавались для забавы, отъ нечего дѣлать, тамъ больше было легкихъ сказокъ, да шутокъ, а журналы Новикова хотѣли учить народъ, будить его мысль, а не тѣшить его сердце. Въ нихъ отражалось все то, что волновало и мучило лучшихъ людей того времени, осмѣивались неучи, въ нихъ говорилось о тяжеломъ положеніи

крѣпостныхъ, о взяточничествѣ чиновниковъ, о порокахъ помѣщиковъ, владѣвшихъ крѣпостными.

1-го августа 1792 года былъ данъ указъ Екатериной Великой о заключеніи Новикова на 15 лѣтъ. Это было смягченіемъ нещадной казни. Новикова обвинилъ тотъ же Шешковскій въ „сношеніяхъ съ иностранцами и въ гнусномъ расколѣ“.

Новиковъ былъ доставленъ въ крѣпость сильнымъ и здоровымъ, а вышелъ оттуда „дряхлъ и согбенъ“. Теперь даже и въ гимназіяхъ и въ школахъ говорятъ, что Новиковъ и Радищевъ пострадали безвинно и что оба они горячо любили родину и принесли ей много добра.

Въ 1796 году было велѣно „запечатать“ частныя типографіи, открывать которыя разрѣшила Екатерина Великая въ 1783 году.

Времена перемѣнились! Въ томъ же 1796 году цензура была сосредоточена въ особомъ учрежденіи подъ руководствомъ Сената въ столицахъ и подъ наблюденіемъ губернскихъ начальствъ въ Ригѣ и Одессѣ. Съ этого времени никакія книги не могутъ быть издаваемы „безъ осмотра отъ одной изъ

цензуръ". Верховное управленіе цензурой сосредоточено въ Сенатѣ.

Въ 1800 году всѣ провинціальныя цензурныя управленія утратили значеніе и были подчинены цензурѣ петербургской, безъ одобренія которой не могла явиться ни одна книга.

9-го іюля 1804 года былъ изданъ первый Цензурный уставъ. Составители устава еще бережно относились къ печатному слову, они говорили, что „уставомъ ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной". Уставъ предписывалъ цензорамъ наблюдать при разсмотрѣніи книгъ, „чтобы ничего не было въ оныхъ противнаго Закону Божію, правленію, нравственности и личной чести какого либо гражданина" [1]).

Вскорѣ послѣ бунта декабристовъ 14 декабря 1825 года при Николаѣ, 15 іюня 1826

---

[1]) Въ 1811 г. съ учрежденіемъ министерства полиціи министръ полиціи, если замѣчалъ, что въ книгахъ и сочиненіяхъ, изданныхъ съ одобренія цензуры, допущены выраженія „дающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ", обязанъ былъ со своими замѣчаніями вносить на Высоч. усмотрѣніе

года учрежденъ былъ новый уставъ о цензурѣ, чрезвычайно суровый, стремившійся не только ограничивать и задерживать развитіе мысли, но и *направить* ее, сообразно съ видами правительства.

Цѣль цензуры правительство видѣло въ томъ, чтобы „дать полезное или по крайней мѣрѣ безвредное направленіе“... произведеніямъ словесности.

Между прочимъ, уставомъ были запрещены описанія бывшихъ въ разныхъ государствахъ возмущеній, если „сочинитель“ всѣхъ горестныхъ послѣдствій возмущенія не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ“.

Право содержать типографію или издавать въ свѣтъ повременное изданіе предоставляется только человѣку завѣдомо благонадежному.

Новый цензурный уставъ 1828 года давалъ нѣсколько менѣе простора произволу цензоровъ, отказывался отъ *направленія* словесности и задачею ставилъ только запрещеніе тѣхъ произведеній, „кои въ цѣломъ составѣ или частяхъ своихъ вредны въ

отношеніи къ вѣрѣ, престолу, добрымъ нравамъ и личной чести гражданъ"...

Это смягченіе продолжалось до 1830 года. Въ этомъ году въ іюльскіе дни произошла революція во Франціи, и этого было достаточно, чтобы увеличить невыносимый гнетъ цензуры. Съ 1832 года для изданія новыхъ журналовъ и газетъ требовалось Высочайшее соизволеніе. Множество вѣдомствъ получили право предупреждать и пресѣкать распространеніе вредныхъ идей. Если мысль проходила черезъ одну заставу, то у другой, у третьей ей приходилось погибнуть. А такихъ заставъ извѣстный цензоръ Никитенко въ своемъ дневникѣ насчитывалъ 12—только всего!

Казалось, дальше некуда итти. Но революція 48 года во Франціи и февральскіе дни, провозгласившіе республику и заставившіе короля бѣжать въ женскомъ платьѣ изъ Парижа въ Лондонъ, вдохновила нашихъ россійскихъ мракобѣсовъ, всюду видѣвшихъ пожаръ. „Долой мысль! Долой слово!.. Направляй кишку!.. Туши!..—вопили спасатели отечества,—довольно поблажекъ!"

Какъ разъ доказательствомъ того, что

„мы стоимъ на краю пропасти“ и что нужны крайнія и рѣшительныя мѣры, послужило знаменитое „Дѣло Петрашевцевъ“, раздутое въ страшный революціонный заговоръ. У чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ Петрашевскаго по вечерамъ собиралась молодежь. Читали, спорили, мечтали, увлекались невинными мечтами французскаго соціалиста Фурье. На собранія проникъ „наблюдатель“, поспѣшилъ донести о крамолѣ, и 23 апрѣля 1849 года были схвачены 33 молодыхъ человѣка, въ ихъ числѣ знаменитый впослѣдствіи писатель Ѳедоръ Достоевскій, авторъ „Бѣдныхъ людей“. Достоевскій былъ схваченъ за то, что на одной изъ вечеринокъ читалъ извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю [1]).

Изъ 33—двадцать одного приговорили къ смертной казни. Приговоренные уже у висѣлицы съ петлей на шеѣ узнали о замѣнѣ казни каторгой. Достоевскій былъ въ числѣ этихъ приговоренныхъ, пережившихъ страшную минуту ожиданія казни.

Шефъ жандармовъ былъ крайне огорченъ,

[1]) Это письмо теперь издано Венгеровымъ въ „Собраніи соч. Бѣлинскаго“.

что Бѣлинскій умеръ вò-время и тѣмъ самымъ избѣжалъ достойнаго возмездія за свое письмо, въ которомъ дерзко осуждалъ крѣпостное право, эту позорную эпоху, когда людей мѣняли на собакъ.

„Бѣлинскій умеръ вò-время“... Грановскій, историкъ, завидовалъ ему, потому что наступили годы, когда сладко было умереть и страшно жить! Жандармскіе шефы Бенкендорфы и Дубельтъ, мракобѣсы и доносители Булгарины и Гречи говорили отъ лица Россіи и навязывали свои думы, свои симпатіи, свою благонамѣренность всѣмъ, кто хотѣлъ избѣжать кутузки, „бараньяго рога“ и „ежовыхъ рукавицъ“. Чѣмъ-то оскорбительнымъ и преступнымъ казалось живое человѣческое слово въ этомъ царствѣ подхалимства и взяточничества, ханженства и палачества.

Предсѣдатель военно-цензурнаго комитета, баронъ Медемъ, съ душевнымъ прискорбіемъ ропталъ на то, что цензура, дѣйствовавшая до 1848 года, оказалась не на высотѣ положенія.

Онъ былъ недоволенъ! Онъ требовалъ еще большаго!

Онъ говорилъ: „Снабдить, какъ редактора, такъ и цензора весьма подробными инструкціями относительно ихъ обязанностей и поручить цензорамъ *не только откидывать тѣ выраженія и мысли, которыя признаны неудобными къ печати, но измѣнять ихъ и замѣнять своими собственными мыслями, проводя въ представляемыхъ имъ статьяхъ взгляды и понятія, согласные съ видами правительства.*“

2 апрѣля 1848 года подъ предсѣдательствомъ Бутурлина, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, учреждается комитетъ, дѣйствовавшій до 1855 года. „Комитетъ 2 апрѣля“ вводился „для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія.“

Такимъ образомъ, существовала двойная цензура: предупредительная, въ лицѣ обыкновенныхъ цензоровъ, просматривавшая произведенія до напечатанія ихъ, и цензура надъ цензурой, цензура взыскательная, подвергавшая разсмотрѣнію то, что уже было пропущено обычною цензурой и появилось въ печати, цензура, привлекавшая именемъ Государя къ отвѣтственности

какъ цензоровъ, такъ и авторовъ за все, что признавалъ комитетъ 2 апрѣля „противнымъ видамъ правительства“.

Разумѣется, обычные цензоры страшно боялись поставленной надъ ними цензуры, и писатели лишены были права печатать все, что не относилось къ области пресмыкательства и доносительства.

Въ Вятку былъ высланъ Салтыковъ-Щедринъ за напечатанный разсказъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“.

Невѣжество возводилось въ систему, наука блѣднѣла и пряталась. Въ моду вошелъ патріотизмъ, отвергавшій все европейское и увѣрявшій, будто Россія столь благословенна Богомъ, что проживетъ безъ науки и искусства.

Недаромъ въ 1848 году ходила по рукамъ россійскихъ обывателей такая карикатура: нарисованы три бутылки, одна съ шампанскимъ; пробка вылетѣла, и въ искристомъ фонтанѣ изъ бутылки выбрасываются корона, тронъ, король, принцы, министры...— это Франція; другая бутылка съ чернымъ густымъ пивомъ, изъ мутной влаги котораго выжимаются короли, герцоги и т. д.,—

это Германія; третья бутылка съ русскимъ квасомъ, на пробкѣ, крѣпко обтянутой прочной бечевкой, наложена казенная печать съ орломъ...—Это тогдашняя Россія [1]).

Въ университеты запрещено было выписывать газеты и журналы. Книгоненавистничество привело къ тому, что книги совершенно обезцвѣтились. Нечего было читать.

Воцарилась полная свобода молчанія Цензура могла торжествовать побѣду надъ „вольной мыслью“. Все обстояло благополучно. Народъ былъ безконечно счастливъ. Порядокъ въ странѣ былъ образцовый, не то, что въ гнилой Европѣ.

Но вотъ, началась Севастопольская война и кончилась севастопольскимъ разгромомъ. Непобѣдимое русское правительство оказалось неподготовленнымъ, а цензура не въ силахъ была отстоять то благополучіе, о которомъ заставляла твердить печать десятки лѣтъ.

Спасатели отечества оказались его губителями.

Эпоха цензурнаго террора закончилась.

---

[1]) См. Лемке, „Очерки по исторіи русской цензуры“, 223.

„Неусыпно, неослабно дѣйствовалъ глазъ правительства“ въ лицѣ комитета 2 апрѣля и 12 заставъ. Но 6 декабря 1855 года предсѣдатель комитета уже ходатайствовалъ о закрытіи его.

Начались разоблаченія и обличенія... Общественное мнѣніе бросило въ лицо своимъ прежнимъ властителемъ душъ и тѣлесъ свое грозное: „я обвиняю“. Заговорили о раскрѣпощеніи мысли, о великихъ реформахъ...

Но отчаянные крѣпостники, въ родѣ Панина, продолжали стоять „у мысли на часахъ“.

Императоръ Александръ II призналъ безотлагательнымъ дѣломъ составленіе новаго устава, но при составленіи новаго устава, повелѣлъ *„взять за основаніе, что разумная бдительность необходима“*.

Въ началѣ 1858 года происходятъ студенческіе безпорядки. Въ своемъ дневникѣ цензоръ Никитенко, благоволившій къ печати, съ прискорбіемъ отмѣчалъ седьмого апрѣля: „Государь сильно озабоченъ цензурой. Въ немъ *поколебали* расположеніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея“.

Что „разумная бдительность необходима“, долженъ былъ доказать пожаръ Апраксина двора въ 1862 году, вызвавшій панику въ Петербургѣ.

Апраксинъ дворъ сразу загорѣлся съ трехъ концовъ. Поджогъ былъ очевиденъ. Крѣпостники тотчасъ же приписали этотъ поджогъ нигилистамъ: вотъ, до чего доводитъ свобода!—вопили друзья прежнихъ порядковъ, забывши о севостопольскомъ разгромѣ. Этимъ моментомъ воспользовались, чтобы расправиться съ литературой. Произошло что-то нелѣпое и возмутительное. Были пріостановлены „Русское Слово“ и „Современникъ“, были арестованы Чернышевскій и Писаревъ—выдающіеся русскіе литераторы. Ихъ статьи были признаны „зажигательными“.

Противъ Чернышевскаго не было никакихъ уликъ, кромѣ одного главнаго обвиненія: „онъ оказывалъ слишкомъ большое вліяніе на молодежь“.

Хотя за первыя 10 лѣтъ царствованія Александра II возникло новыхъ газетъ и журналовъ 156, тогда какъ за послѣднія 10 лѣтъ царствованія Николая I было всего

6 газетъ и 19 журналовъ, однако, до свободы печати было слишкомъ далеко. Еще въ 1858 году Никитенко писалъ въ дневникѣ: „Государь требуетъ со стороны цензуры ограниченій и не желаетъ стѣснять мысль“.—„Какъ это сдѣлать?“—недоумѣвалъ добросовѣстный чиновникъ, видавшій виды на своемъ вѣку: онъ зналъ, что можно цензурными ограниченіями задушить мысль, онъ зналъ, что нежеланіе тѣснить мысль ведетъ къ свободѣ печати, но какъ одновременно и ограничивать и не тѣснить—этого онъ не понималъ.

Какъ это согласить—показалъ законъ 6 апрѣля 1865 года, опубликованный въ видѣ временной переходной мѣры въ ожиданіи лучшихъ временъ. Увы!—были худшія времена, но лучшихъ временъ печать не дождалась!..

Временный законъ „и не стѣснялъ печать, но и не ставилъ въ слишкомъ широкія рамки“.

Порядокъ разрѣшенія новыхъ изданій зависѣлъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а не народнаго просвѣщенія.

Отъ усмотрѣнія же министра внутреннихъ дѣлъ зависѣло утвержденіе редактора.

Всѣ изданія были раздѣлены на непріодическія (книги и брошюры) и періодическія (газеты и журналы), на провинціальныя и столичныя, на безцензурныя и подцензурныя.

Книги, размѣромъ въ 10 листовъ русскихъ авторовъ и въ 20 листовъ переводныя, освобождены отъ предварительной цензуры, но зато, въ *чрезвычайныхъ случаяхъ*, книги, признанныя особо вредными, могли быть отобраны подъ арестъ до рѣшенія суда. Позднѣе арестовывались книги и безъ чрезвычайныхъ случаевъ и безъ начатія одновременно судебнаго преслѣдованія. Къ концу 60-хъ годовъ судебное преслѣдованіе прекратилось совершенно и примѣнялись только административныя мѣры.

Книги менѣе 10 листовъ, а переводныя менѣе 20 подлежали предварительному просмотру цензоровъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ періодическія изданія были раздѣлены на столичныя и провинціальныя. Большинство столичныхъ газетъ и журналовъ было признано безцензурными.

Отъ безцензурныхъ изданій требовался

залогъ отъ 2500 до 5000 рублей. Эти изданія подпадали подъ дѣйствіе карательной системы, системы предостереженій и пріостановокъ послѣ третьяго предостереженія.

Провинціальная печать и донынѣ, за исключеніемъ такихъ газетъ, какъ „Кіевлянинъ“ и харьковскій „Южный Край“, вполнѣ благонамѣренныхъ и поощряемыхъ органовъ, оставалась подъ наблюденіемъ тѣхъ же цензоровъ, какъ было до 1865 года.

Такимъ образомъ для газетъ и журналовъ были введены одновременно двѣ системы: старая—система цензурныхъ ограниченій, дѣйствовавшая *прежде* напечатанія, и новая—система административныхъ каръ, постигавшая печать уже *послѣ* напечатанія. Эта „система предостереженій“ зародилась при Наполеонѣ III во Франціи, перешла въ Пруссію, Россію и Турцію, но остается до сихъ поръ только у насъ.

Это была та свобода печати, о которой Щедринъ писалъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ мы получили свободу прессы,—*я трепещу!*“

Цензуры не было, но *вредное направленіе* оставалось, и оно было отдано подъ надзоръ

редакторовъ и издателей. Отнынѣ, если газеты и журналы пріостанавливало и прекращало правительство, то только потому, что редакторы *сами того хотѣли,* ибо если бы они этого не хотѣли, они бы искореняли вредное направленіе изъ своихъ газетъ и журналовъ!

Правительство послѣ севастопольскаго погрома пошло на уступки, начались великія реформы, но требовалась одна реформа и главная: необходима была замѣна крѣпостного строя, основаннаго на произволѣ, свободными европейскими учрежденіями, основанными на законѣ. Власть народа должна была замѣнить власть чиновничества. Этого требовалъ духъ времени, этого требовало все, что предприняло правительство.

Но вмѣсто того, чтобы продолжать дѣло раскрѣпощенія до конца, правительство повернуло „назадъ, домой“!

Такъ какъ этотъ поворотъ былъ сдѣланъ вопреки общественному мнѣнію, а общественное мнѣніе выражалось только въ печати, то правительство и обрушилось на печать съ новою небывалою силою. Прокламація молодой Россіи въ 1862 году, польское воз-

станіе въ 1863 году, покушеніе Каракозова въ 1866 году, дѣло Нечаева въ 1869 году, возстаніе рабочаго класса и ремесленниковъ въ 1871 году въ Парижѣ послужили поводомъ къ новымъ и новымъ преслѣдованіямъ печати.

Все, что противорѣчило „тишинѣ и спокойствію“, все, что шатало „порядокъ“, построенный на чиновничьемъ: „все обстоитъ благополучно“—все это приписывалось вредному направленію нашей печати.

Предварительныхъ предостереженій оказалось мало: 7-го іюня 1872 года было разрѣшено комитету министровъ и безъ предостереженія задерживаніе и пріостанавливаніе періодическихъ изданій.

Въ 1873 году была введена знаменитая статья 140, гласившая: „Если, по соображеніямъ высшаго правительства, найдено будетъ неудобнымъ оглашать или обсуждать въ печати въ теченіе нѣкотораго времени какіе-либо вопросы, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры изданій поставляются о томъ въ извѣстность черезъ главное управленіе по дѣламъ печати по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.“

Съ 70-го года вышло въ то же время въ обычай запрещать розничную продажу газетъ, при чемъ эта мѣра была предложена въ 1868 году, помимо разсмотрѣнія Государственнаго Совѣта (что требовалось для изданія каждаго закона), была введена временно для сохраненія уличной тишины и спокойствія, а превратилась въ тяжелую кару, преслѣдующую газеты и понынѣ.

Революціонное движеніе въ Россіи распространялось все шире и шире. Сперва—мирное хожденіе въ народъ и проповѣдь соціализма. Затѣмъ—попытки устраивать бунты и воздѣйствовать на широкіе круги недовольнаго крестьянства. По докладу министра юстиціи, къ концу семидесятыхъ годовъ революціонной пропагандой было охвачено 35 губерній. Съ конца семидесятыхъ годовъ начались покушенія.

Оказывалось, что цензурныя ограниченія и система предостереженій, тѣснившія живое слово и пугливую мысль, не въ силахъ были задержать развитіе революціонной мысли, и движеніе все росло.

Въ 1880 году началась „диктатура сердца“, правительство заговорило о довѣріи, обще-

ство было призвано къ работѣ и мирному прогрессу. 5 ноября 1880 года подъ предсѣдательствомъ Валуева съ 10 редакторами московскихъ и петербургскихъ газетъ и журналовъ комиссія высказалась единодушно въ пользу подчиненія печати „закону всероссійскому и суду независимому и публичному“.

Всѣ эти высказыванія оказались только „благими намѣреніями“. Послѣ 1-го марта 1881 года снова дикіе вопли о печати надпольной, идущей въ союзѣ съ подпольной. Начинаются доносы, заподозрѣванія, травля. Разногласія съ мракобѣсами уже возводятся въ измѣну, молчаніе объявляется подозрительнымъ, каждое слово получаетъ особенный скрытый смыслъ.

И снова заговорили объ „исключительныхъ обстоятельствахъ того времени“.

27 августа 1882 года, помимо Государственнаго Совѣта, графъ Д. Толстой вошелъ съ представленіемъ „временнаго положенія о печати“, и оно было утверждено. Это *временное* положеніе дѣйствовало донынѣ: *почти 25 лѣтъ*.

Въ это положеніе вошли постановленія

отъ 65 года, тоже изданныя въ видѣ переходной мѣры, а кромѣ того, кое-что было исправлено и дополнено и, разумѣется, къ еще большему стѣсненію печати.

Редакціи повременныхъ изданій обязывались по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ сообщать званія, имена и фамиліи авторовъ помѣщенныхъ статей. Законъ 65 года ставилъ прекращеніе періодическаго изданія въ зависимость отъ перваго департамента сената по временному положенію; съ 1882 года для прекращенія газетъ министръ могъ просто испрашивать Высочайшаго повелѣнія.

Если участь книгъ и журналовъ рѣшалась съ 1872 года комитетомъ министровъ, то съ 1882 года было достаточно комиссіи изъ четырехъ министровъ.

Временное положеніе о печати дѣйствовало безъ страха и упрека. Цензура съ отмѣннымъ усердіемъ дѣлала свое дѣло. Въ обществѣ воцарилось уныніе. Все замолкло... Наступило время, когда „свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо“. Казалось, мысль убита, драгоцѣнныя надежды развѣяны буйными вѣтрами. Воцарилась та

„тишь да гладь, да Божья благодать“, о какой мечтало правительство и какая существовала только передъ паденіемъ Севастополя въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ.

И вдругъ, „грянулъ громъ“ и заставилъ содрогнуться всю Россію. „Все обстояло благополучно“ только на бумагѣ, народъ благоденствовалъ только въ отчетахъ министровъ, а на самомъ дѣлѣ страна шла навстрѣчу полному разоренію, и ужасы голоднаго года открыли всѣмъ глаза. Этотъ голодный 1891 годъ, унесшій въ могилу больше 500,000 человѣкъ, свалился неожиданно. Печать могла бы предупредить, но статья 140 дѣйствовала строго, и циркуляры главнаго управленія по дѣламъ печати запрещали касаться „нѣкоторыхъ вопросовъ государственной важности“. Такимъ вопросомъ оказался и вопросъ о голодѣ. Какой голодъ, если „все обстоитъ благополучно“!

Послѣ правительство спохватилось и стало готовиться къ борьбѣ съ голодомъ и даже позволило кое-что писать объ этомъ, но „мертвыхъ съ погоста не возвращаютъ“,

а этихъ мертвыхъ было много въ деревняхъ „Горѣловыхъ“ да „Неѣловыхъ“.

Божьей благодати не оказалось въ дѣйствительности. Да и „тишь да гладь“ отошли вмѣстѣ съ голоднымъ годомъ.

Начались бурные девяностые годы, годы рабочаго движенія. Общество проснулось. Студенчество заволновалось. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ повсюду стали возникать крестьянскіе безпорядки.

Правительство заговорило о смутѣ, о революціонерахъ.

Новый грозный ударъ открылъ глаза всѣмъ: началась японская война.

Печать пыталась еще до начала сказать свое слово, но министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве принялъ свои мѣры, и печать не мѣшала. Разрѣшалось только кричать „шапками закидаемъ“, да пѣть „Громъ побѣды раздавайся“, и „Новое Время“ вмѣстѣ съ „Московскими Вѣдомостями“ исполняли усердно свой „патріотическій долгъ“.

И что же вышло? По независящимъ обстоятельствамъ печать молчала, какъ убитая, тогда, когда вопросъ шелъ о томъ, быть или не быть войнѣ русскаго народа

съ японскимъ. Печать молчала. „Патріоты“ вопили, что мы заставимъ японекъ подписать міръ въ Токіо... а въ дѣйствительности оказалось, что мы „не подготовились“ и что у насъ шапокъ не хватило, чтобы закидать японцевъ... тѣхъ японцевъ, у которыхъ печать свободно обсуждаетъ вопросы государственной важности.

Пораженія нашихъ войскъ были пораженіемъ отжившей системы.

Вся страна всколыхнулась.

Назначаются для успокоенія проснувшейся совѣсти десятки комиссій. По вопросу о печати тоже была учреждена комиссія, отъ участія въ которой отказывались всѣ лучшіе представители печати.

Пока засѣдала комиссія и толковала о необходимости освободить печать отъ преслѣдованій, въ Государственный Совѣтъ поступилъ законопроектъ о томъ, чтобы единоличной власти министра внутреннихъ дѣлъ было предоставлено право закрывать періодическія изданія.

А на ряду съ тѣмъ газетамъ и журналамъ было запрещено писать объ ужасахъ 9-го января въ Петербургѣ. На ряду съ тѣмъ

были пріостановлены „Наша Жизнь“, „Сынъ Отечества“, „Вечерняя Почта“, было сдѣлано первое предостереженіе „Слову“. Была запрещена розничная продажа „Русскимъ Вѣдомостямъ“, „Новостямъ“, были задержаны двѣ книги „Русской Мысли“, журналы выходили безъ „внутренняго обозрѣнія“.

Такъ называемыя „независящія обстоятельства“ тяжелою тучей висли надъ истекающей кровью русской печатью, стирали съ каждаго произведенія живыя краски, превращая его въ жалкій скелетъ безъ мяса и безъ крови.

Горе тому писателю, который пишетъ „кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ“ — его горячая, убѣжденная рѣчь не дойдетъ до читателя-друга и задохнется въ цензурныхъ тискахъ!

Возьмите любой номеръ журнала „Права“, разверните его, найдите въ немъ отдѣлъ „Хроники“ и тамъ пробѣжите глазами десятки фактовъ, сообщаемыхъ изъ столицъ, глухихъ городишекъ и селъ. Передъ вами въ одну минуту во всей своей красѣ выростутъ „независящія обстоятельства“. Вотъ, напримѣръ, передъ нами № 30 „Права“ за

этотъ годъ, за одну-двѣ недѣли передъ 2 августа, днемъ выхода номера.

Печать переживала обычныя стѣсненія и преслѣдованія.

Неугодно ли полюбоваться:

Въ издающейся въ Ташкентѣ газетѣ „Русскій Туркестанъ“ напечано:

„Отъ редакціи. *По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ* въ нашей газетѣ не могли быть опубликованы присланные въ редакцію приказы г. генералъ-губернатора отъ 6 и 9 іюля 1905 г.“. Въ слѣдующемъ № выясняется, что то былъ приказъ командующаго войсками (каковымъ является тотъ же ген.-губернаторъ).

Въ № 44-мъ виленской газеты „Новая Заря“ напечатано: *„По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ* корреспонденціи съ (сіонистскаго) конгресса сегодня помѣщены быть не могутъ“.

Главное управленіе по дѣламъ печати отклонило ходатайство полтавскаго губернскаго земства о разрѣшеніи издавать *народную газету* подъ заглавіемъ „Листокъ Полтавскаго Земства“.

(*Р. С.*)

Въ Крестцовскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи, земскіе начальники *запретили крестьянамъ*, подъ угрозой ареста, читать, такъ называемыя, *„либеральныя“ газеты.*

(*Од. Н.*)

Редакторъ „Извѣстій Общества Гражданскихъ Инженеровъ“ Макаровъ заявляетъ въ „Руси“, что 3-й и 4-й №№ „Извѣстій“ не могли своевременно выйти въ свѣтъ *по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.*

(*Р. В.*)

№ 97 „Черн. Вѣстника“ вышелъ въ размѣрѣ полулиста со слѣд. редакціоннымъ примѣчаніемъ: *„По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ* сегодняшній номеръ издается не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ приготовленъ для печати“.

(*Н. О.*)

Въ Екатеринославѣ, по поводу урѣзыванія цензоромъ думскихъ отчетовъ, печатаемыхъ въ мѣстныхъ газетахъ, гласнымъ Быковымъ въ засѣданіи 15-го іюля внесено предложеніе *обжаловать дѣйствія цензора*, какъ незаконныя и крайне неудобныя для городского населенія, лишеннаго возможности

знать, что дѣлается въ думѣ. Въ виду того, что вопросъ этотъ очень важенъ, рѣшено внести его для обсужденія въ будущее очередное собраніе думы. Въ концѣ засѣданія гласнымъ подано по этому поводу также письменное заявленіе.

(С. О.)

Контора газеты „Югъ“ въ Херсонѣ по порученію редакціи доводитъ до свѣдѣнія читателей, что *по цензурнымъ правиламъ* редакція не имѣетъ права оставлять въ газетѣ пробѣлы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цензоромъ исключенъ текстъ; не можетъ она также ставить на тѣхъ мѣстахъ точки и другіе загадочные знаки. Но иногда неожиданныя крупныя помарки цензора уже послѣ сверстки номера вынуждаютъ редакцію, во избѣжаніе переверстки, влекущей за собою замедленіе въ печатаніи № газеты, исключивъ неодобренный цензоромъ текстъ, ставить на его мѣстѣ совершенно невиннаго характера фразы, какъ, наприм.: „продолжается подписка на подцензурную газету „Югъ“, или: подцензурная газета „Югъ“ издается въ Херсонѣ“.

(Спв. Кр.)

„Въ Нижнемъ Новгородѣ редакторъ „Моск. Листка“ Пастуховъ заявилъ полиціи, что „Русское Слово“ и „Русскія Вѣдомости“, вопреки запрещенію, продаются въ розницу. *Донось ложный*: у разносчиковъ этихъ газетъ нѣтъ“.

(Р. С.)

Въ Полтавѣ циркулируетъ упорный слухъ, что издателю-редактору „Полт. Вѣстника“ (онъ же редакторъ „Полт. Губ. Вѣд.) Иваненку назначена *субсидія для распространенія „трезвыхъ“ идей*. По отношенію къ „Полтавщинѣ“ приняты чрезвычайныя мѣры. Цензура не пропускаетъ многихъ замѣтокъ, которыя безпрепятственно помѣщаются въ „Полтавскомъ Вѣстникѣ“. Ежедневно цензоръ выбрасываетъ тысячи строкъ.

(Р. В.)

„Русская Газета“ слышала, что редакторъ издающейся въ Москвѣ газеты „День“ Бергъ, для болѣе успѣшнаго веденія дѣла, получилъ матеріальную *поддержку въ размѣрѣ 30 тысячъ рублей*.

Не доказывали ли эти „независящія обстоятельства“, что мы наканунѣ великихъ реформъ, нѣтъ, больше, что великія реформы

уже наступили и что уже провозглашена „Государственная Дума“ съ представительствомъ *всего населенія*, или, вѣрнѣе, тѣхъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ на 150 милліоновъ, которые могутъ платить за квартиру 1000—1200 рублей!

Мы взяли только нѣсколько незначительныхъ фактовъ изъ жизни печати за семь, за десять дней, но вы попробуйте представить не эти нѣсколько дней, а нѣсколько десятилѣтій, когда дѣйствовали цензурныя ограниченія, запрещенія, пріостановки, предостереженія, система келейныхъ пособій, запрещеніе розничной продажи, запрещенія печатанія объявленій и, наконецъ, самое ужасное запрещеніе—касаться всего, что „волнуетъ, мучитъ“ въ данный моментъ вашу родину, попробуйте представить себѣ все это, и вы поистинѣ увидите „страну терній“, и вы отъ всего сердца воскликните: „О поле, поле! Кто тебя усѣялъ мертвыми костями“.

Мы приведемъ только часть фактовъ [1]):

Съ перваго сентября 1865 года по первое

---

[1]) См. Арсеньева „Законодательство о печати“.

января 1870 года было объявлено 44 предостереженія, 7 періодическихъ изданій были пріостановлены на срокъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, были запрещены въ 1866 году „Современникъ“ и „Русское Слово“, а въ 1868 году газета „Москвичъ“... Въ 1872—77 г.г. дано было 72 предостереженія и 45 запрещеній розничной продажи; 16 изданій подверглось пріостановкѣ на сроки отъ 3 недѣль до 6 мѣсяцевъ.

Въ 1878 году дано 15 предостереженій и 19 разъ запрещена розничная продажа.

Въ 1879 году дано 16 предостереженій и 6 разъ запрещена розничная продажа, пріостановлены за эти два года „Русское Обозрѣніе“, „Недѣля“, „Русскій Міръ“, „Русская Правда“, „Голосъ“. Совершенно запрещенъ внѣ обычнаго порядка „Сѣверный Вѣстникъ“. Послѣ покушенія Соловьева (2 апрѣля 1879 г.) на жизнь Государя генералъ-губернаторамъ было предоставлено право пріостанавливать и вовсе запрещать періодическія изданія, послѣ чего съ 1879 года московскимъ генералъ-губернаторомъ былъ пріостановленъ „Востокъ“ и одесскимъ—прекращена „Правда“.

Въ первые мѣсяцы 1880 года до перемѣны въ общей политикѣ правительства дано 4 предостереженія, два раза запрещена розничная продажа, два раза запрещено печатаніе частныхъ объявленій и пріостановленъ на три мѣсяца журналъ „Слово“.

Когда закончилось переходное время и министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Лорисъ-Меликова, провозгласившаго „диктатуру сердца“, сталъ Игнатьевъ въ 1881 году, а начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати Вяземскій, положеніе печати стало еще тяжелѣе. За одинъ 1881 годъ было дано 10 предостереженій, розничная продажа запрещена 6 изданіямъ, пріостановлено послѣ третьяго предостереженія 2 изданія, безъ предостереженій — 6; запрещено печатаніе объявленій одному.

Послѣ спѣшнаго изданія „временныхъ правилъ“ 27 августа 1882 года кары, падавшія на многострадальную печать, становились невыносимыми. Въ 1883 году „Страна“ и „Голосъ“ были пріостановлены съ примѣненіемъ къ нимъ по окончаніи срока пріостановки предварительной цензуры. Ни та, ни другая газета не нашли

возможнымъ выходить вновь. Въ томъ же году совѣщаніемъ четырехъ министровъ совершенно прекращенъ „Московскій Телеграфъ“, въ 1884 году той же мѣрѣ подверглись „Отечественныя Записки“. Въ 1886 году были прекращены „Свѣточъ“, „Здоровье“, „Дроэба“ (грузинскій журналъ) и „Заря“; въ 1889 году „Сибирская Газета“; пріостановлены съ отдачей подъ цензуру: „Газета Гатцука“ и „Востокъ“; въ 1885 году—„Восточное Обозрѣніе“, въ 1889 году—„Русское Дѣло“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ іюня 1882 года по май 1889 годъ за годы приснопамятнаго управленія Д. Толстого, было дано 24 предостереженія (не считая тѣхъ, послѣ которыхъ газеты ставились подъ цензуру), пріостановлены 15 изданій, два изъ нихъ по два раза, состоялось 34 запрещенія розничной продажи, 4 запрещенія печатать объявленія.

Даже „Русь“ славянофила Аксакова, мечтавшаго о единеніи Царя съ народомъ, получила въ 1885 году предостереженіе, такъ какъ „обсуждаетъ текущія событія *тономъ*, не совмѣстимымъ съ истиннымъ патріотиз-

момъ". Аксаковъ могъ засвидѣтельствовать въ печати почти наканунѣ своей смерти, что, по мнѣнію высшихъ сферъ, *„наистиннѣйшій патріотизмъ состоитъ въ подобострастномъ молчаніи"*.

При преемникѣ гр. Д. А. Толстого, Н. Н. Дурново (май 1889 — окт. 1895 года) существенныхъ перемѣнъ въ положеніи печати не произошло. Совершенно прекращено, по опредѣленію четырехъ министровъ, только одно періодическое изданіе — газета „Русская Жизнь" (въ январѣ 1895 г.). Предостереженій было дано одиннадцать, въ томъ числѣ два съ пріостановкой на шесть мѣсяцевъ и отдачей подъ цензуру. Случаевъ запрещенія розничной продажи было 24, случаевъ запрещенія печатанія объявленій — 6. Пріостановлено было безъ предостереженій двѣнадцать изданій. Подчиненъ цензурѣ и вслѣдствіе этого прекратился журналъ Московскаго Юридическаго Общества „Юридическій Вѣстникъ".

Съ 1895 — 99 г. было дано 24 предостереженія, пріостановлены послѣ третьяго предостереженія на срокъ отъ двухъ недѣль до шести мѣсяцевъ семь изданій

(„Гражданинъ“, „Хозяинъ“, „Сибирь“, „Русскія Вѣдомости“, „Русь“, „Русскій Трудъ“ и „Биржевыя Вѣдомости“), и запрещеніе розничной продажи состоялось 27 разъ, запрещеніе печатать частныя объявленія—9 разъ; пріостановлено безъ предостереженій 18 изданій (при чемъ два по два раза), почти исключительно провинціальныхъ, т.-е. *подцензурныхъ*. Совершенно прекращены по опредѣленію совѣщанія четырехъ министровъ четыре изданія („Новое Слово“, „Начало“, „Русскій Трудъ“ и „Ардзаганкъ“). Въ рѣшеніи судьбы „Русскаго Труда“ принималъ участіе и министръ финансовъ Витте, по предложенію котораго состоялось запрещеніе.

При Сипягинѣ было дано четыре предостереженія, состоялось восемь запрещеній розничной продажи, четыре временныхъ пріостановки. Три изданія — газеты „Сѣверный Курьеръ“ и „Россія“ и журналъ „Жизнь“—прекращены совершенно.

При новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, Плеве, съ апрѣля 1902 года по іюнь 1903 года дано семь временныхъ пріостановокъ (безъ предостереженій), состоялось девять, запрещеній розничной продажи восемь, за-

прещеній печатать частныя объявленія— одно.

Общее число административныхъ взысканій, наложенныхъ на періодическія изданія съ 1865 г. по 1899 г., равняется 615, при чемъ большинство этихъ взысканій падало на литературные и политическіе журналы.

За 50 лѣтъ свыше 20 газетъ и журналовъ были закрыты навсегда.

— Что же это такое? — восклицаетъ невольно читатель.

— Это не упраздненія, а упорядоченія.

Это „Красный смѣхъ“ цензуры, не менѣе ужасный, чѣмъ „Красный смѣхъ“ войны.

Тамъ убиваютъ тѣло, здѣсь убиваютъ мысль, убиваютъ слово.

Зачѣмъ? Чтобы слово „не зажигало сердецъ и не рождало подвиговъ“.

И когда бранное поле могучей самоотверженной борьбы становится мертвымъ полемъ, когда водворяется гробовое молчаніе— цензура торжествуетъ. Красный карандашъ сдѣлалъ свое дѣло!

Развѣ это не Красный смѣхъ?!

Отъ этого Краснаго смѣха бѣжали подъ пули Пушкинъ и Лермонтовъ, отъ этого

Краснаго смѣха сходили съ ума Гаршинъ и Глѣбъ Успенскій, спивались и погибали Полежаевъ, Рѣшетниковъ, Левитовъ... Въ расцвѣтѣ таланта умирали Надсонъ, Добролюбовъ, А. Чеховъ.

Этотъ Красный смѣхъ отдавалъ тюремщикамъ Радищева и Новикова, Лаврова и Герцена, Чернышевскаго и Писарева, Достоевскаго и Тургенева, Шелгунова и Станюковича, Тараса Шевченко и Полежаева, Милюкова и Пѣшехонова, Андреева и Горькаго, Якубовича и Короленко. Гибли молодыя силы, здоровье, обрывалась недоконченная пѣсня, и шли рыцари духа въ тюрьму и ссылку, въ пустыню, „гдѣ шепчется вьюга съ тайгою, гдѣ блѣдное солнце не радуетъ глазъ“, гдѣ царитъ безмолвіе и цѣпенѣетъ мысль.

Глава VI.

„Звѣри пустыни“.

Взыскующіе града и борцы за лучшую долю народа карались „какъ тати“... У нихъ отнимали родину, ихъ заставляли молчать.

Зато свободно могли писать (и то, впрочемъ, не всегда!) господа Крушеваны, Грингмуты, Булгарины, Гречи, Юзефовичи, Пихно, Цитовичи - все истинно-русскіе люди съ истинно-русскими именами.

Ихъ писанія поощрялись всячески. Тутъ была и „система келейныхъ пособій“, и печатаніе казенныхъ объявленій, и открытыя пожертвованія на вновь изобрѣтенный литераторомъ Шараповымъ „Плужокъ“ для поддержки... сельскаго хозяйства. Тутъ были преслѣдованія конкурирующихъ газетъ и властное покровительство патріотической газетѣ.

Когда эти газеты клеветали на все живое и честное, когда Крушеваны, Грингмуты, Юзефовичи и Суворины травили татаръ на армянъ,—Горькій и Короленко должны были молчать. Когда господа Подхалимовы и Скомороховы, Понтійскіе Пилаты и презрѣнные Іуды „отчизну свою распинали“, прикрываясь плащомъ патріотизма, и продавали ее за тридцать сребренниковъ, истинныя дѣти измученнаго народа задыхались въ цензурныхъ тискахъ. Такое положеніе печати безсмертными словами заклеймилъ кн. Трубец-

кой въ концѣ девяностыхъ годовъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“:

„Завываніе шакаловъ и цырканіе коршуновъ, крики филиновъ и дикихъ кошекъ, карканіе воронъ, перекликаніе лѣшихъ и змѣиное шипѣніе—вотъ, что теперь сплошь да рядомъ замѣняетъ разумное человѣческое слово и что считается многими не только болѣе дозволительнымъ, но и болѣе полезнымъ, чѣмъ человѣческое слово.

„Ихъ государственно-общественный идеалъ—идеалъ звѣринаго безчинства, идеалъ дремучей непроходимой пустыни и развалинъ,—выяснился съ полной опредѣленностью. Ихъ проповѣдь всеобщаго одичанія и разрушенія едва ли можетъ успокоить умы въ настоящее тревожное время, и, конечно, она не можетъ согласоваться съ видами правительства... Они говорятъ о тишинѣ и порядкѣ, какъ будто та распущенная звѣриная вольница, въ которой шакалы и дикія кошки перестаютъ бояться человѣка и бросаются на случайныхъ прохожихъ, есть порядокъ, и какъ будто тишина пустыни, населенной звѣрями, есть спокойствіе благоустроеннаго общества“.

Для того, чтобы запечатлѣть навсегда въ памяти читателей образы этихъ звѣрей пустыни и развалинъ, мы въ краткихъ чертахъ набросаемъ образы двухъ столповъ казеннаго патріотизма, истинно-русскихъ людей, ничего общаго не имѣвшихъ съ нуждами нашей страны и съ благомъ русскаго народа.

Мы нарисуемъ образы Булгарина и Каткова.

Смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому мнѣнію, для охраны своей твердой неограниченной власти ввелъ корпусъ дозорщиковъ внутренней крамолы. Какъ полицейскій отрядъ, опричники получили особый мундиръ: собачью голову и метлу, знакъ ихъ должности, состоявшей въ томъ, чтобы выслѣживать, вынюхивать и выметать измѣну...

Много воды утекло со времени смиреннаго Іоанна, а его „корпусъ дозорщиковъ“ въ присвоенномъ по должности мундирѣ, какъ легіонъ безсмертныхъ, всегда оставался на своемъ посту. Генералы этого корпуса, Ма-

люты-Скуратовы, Магницкіе, Аракчеевы, Катковы, Мещерскіе, Грингмуты высоко несли свое знамя, „метлу“, и, не щадя живота, какъ „вѣрные псы“, выслѣживали, вынюхивали и выметали все, что „мѣшаетъ людямъ спать“.

Они отстаивали татарскій кнутъ, татарскій „правежъ“, татарскій сыскъ, татарскую твердую власть и называли это „русскимъ дѣломъ“.

Свой очеркъ о Ѳаддеѣ Булгаринѣ Михаилъ Лемке начинаетъ такими словами: „Въ прошломъ русской журналистики есть одно имя, еще до сихъ поръ произносимое съ отвращеніемъ и презрѣніемъ. Сказать: „Ѳаддей Булгаринъ“ значитъ возобновить въ памяти фигуру доносчика-добровольца; назвать теперь кого-нибудь этимъ именемъ значитъ оскорбить его“.

Родился полякъ Булгаринъ въ годъ великой Французской революціи, наканунѣ взятія Бастиліи. Умеръ онъ въ 1859 году, наканунѣ великихъ реформъ въ Россіи. Отецъ его, Бенедиктъ Булгаринъ, въ разгаръ Польскаго возстанія убилъ генерала Воронова

и сосланъ былъ въ Сибирь, а сынъ Ѳаддей въ 1896 году кончилъ корнетомъ русскій кадетскій корпусъ.

Въ 1811 году, уже уволенный отъ службы, онъ опустился совершенно, протягивалъ на улицѣ руку и даже укралъ у какого-то офицера пальто, а умеръ онъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и 40 лѣтъ былъ редакторомъ вмѣстѣ съ Гречемъ „Сѣверной Пчелы“.

До 1825 года онъ переписывался съ декабристами Н. Тургеневымъ, Рылѣевымъ и другими и въ то же время былъ близокъ къ агенту тайнаго надзора Скобелеву, гасильнику свѣта Магницкому, заискивалъ у хранителя застѣнка Аракчеева, сотрудничалъ въ 1825 году въ „Полярной Звѣдѣ“, радикальномъ органѣ, и въ томъ же 1825 г. Ѳаддей Булгаринъ для того, чтобы его не считали неблагонамѣреннымъ, писалъ записку „О цензурѣ въ Россіи“, о томъ, какимъ путемъ правительство могло бы привязать къ себѣ писателей „ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія, писать о бездѣлицахъ, напримѣръ о театрѣ... который у насъ долженъ замѣнить сужденіе о камерахъ и министрахъ“.

Съ декабристами онъ толковалъ о свободѣ, а съ генераломъ Потаповымъ въ упомянутой запискѣ о томъ, что „нашу публику [1]) можно совершенно покорить, увлечь, привязать къ трону *одною только тѣнью свободы* въ мнѣніяхъ насчетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства".

И когда Рылѣева, Пестеля и другихъ вели на казнь, а сотни лучшихъ людей отправляли на каторгу, Ѳаддей Булгаринъ поступалъ на службу въ III отдѣленіе и становился „вѣрнымъ человѣкомъ" у шефа жандармовъ Бенкендорфа, его помощника Фока, у Дубельта и у всѣхъ тѣхъ, которые призваны были" „умы уловлять".

Съ 1825 года вмѣстѣ съ Гречемъ Булгаринъ сталъ издавать свою знаменитую „Сѣверную Пчелу". Это была единственная ежедневная частная газета, издавалась она подъ надзоромъ и даже редактированіемъ всесильнаго генерала Дубельта; третье отдѣленіе, спасавшее страну отъ крамолы, оплачивало статьи нѣкоторыхъ сотрудниковъ, въ чемъ сознавался самъ Булгаринъ,

---

[1]) Лемке „Очерки изъ исторіи русской цензуры", 379 стр.

третье отдѣленіе даже назначало сотрудниковъ, разумѣется, людей самыхъ лучшихъ правилъ.

Эта газета дѣйствовала въ духѣ цензуры, и правительство въ высшихъ правящихъ кругахъ считало ее единственной выразительницей общественнаго мнѣнія, какъ теперь газета Суворина „Новое Время“.

Если было нужно громить „польскую интригу“, третье отдѣленіе вдохновляло Булгарина, и онъ начиналъ о честности высокой говорить и объ истинномъ патріотизмѣ.

Когда нужно было навлечь разныя кары на измученную русскую литературу, снова выпускался этотъ „чиновникъ особыхъ порученій“ и доказывалъ, какъ дважды два, что русская литература сѣетъ развратъ, смуту и недовольство.

Самъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ, представляя его къ наградамъ, свидѣтельствовалъ объ этомъ, истинно-русскомъ человѣкѣ, что онъ „неоднократно былъ употребляемъ, по его усмотрѣнію, по письменной части на пользу службы и всѣ порученія исполнялъ съ отмѣннымъ усердіемъ“. „Это— *совѣсть* русскихъ литераторовъ“,—говорилъ

шефъ жандармовъ о Булгаринѣ, котораго вся мыслящая Россія, всѣ любящіе родную литературу называютъ „патріотическимъ предателемъ“.

Этотъ вѣрный человѣкъ Бенкендорфа былъ своимъ въ третьемъ отдѣленіи и предателемъ въ литературѣ. Когда умеръ Бенкендорфъ, Булгаринъ „со слезами истинной горести положилъ цвѣтокъ на его могилу“, а въ статьѣ о шефѣ жандармовъ писалъ, что онъ „оправдалъ общее къ себѣ довѣріе и пріобрѣлъ себѣ почетное имя въ исторіи отечества и человѣчества“.

Когда умеръ Н. Гоголь, слава и гордость русской литературы, Булгаринъ донесъ на редакцію „Москвитянина“, которая осмѣлилась въ знакъ печали по великомъ художникѣ выпустить номеръ съ траурной рамкой, и онъ же донесъ на Тургенева, указывая на его статью о Гоголѣ, въ которой Тургеневъ осмѣлился признать за Гоголемъ заслуги передъ родиной и назвать его великимъ писателемъ.

Тогда можно было хвалить только Бенкендорфовъ!

Тургеневъ за свое преступленіе былъ

арестованъ 22 апрѣля 1852 года, Булгаринъ же продолжалъ дѣлать свое дѣло и получать новые и новые чины за спасеніе отечества.

Булгаринъ не зналъ пощады, не зналъ талантовъ. Чѣмъ выше былъ писатель, тѣмъ больше его ненавидѣлъ и тѣмъ упорнѣе на него доносилъ. Пушкина въ своихъ доносахъ-статьяхъ Булгаринъ называлъ „изступленнымъ, бросающимъ рифмы во все священное“, о Жуковскомъ, принятомъ при дворѣ, онъ вездѣ распространялъ, будто бы другой писатель, врагъ Булгарина, Кирѣевскій, писалъ къ Жуковскому какое-то либеральное письмо, которое извѣстно-де и правительству.

На „Отечественныя Записки“ онъ доносилъ, выбирая, по его мнѣнію, самыя злонамѣренныя мѣста изъ разныхъ статей и отсылая свои выборки, куда слѣдуетъ.

Онъ доносилъ всѣмъ и на всѣхъ, кто стоялъ поперекъ дороги, онъ грозилъ и министру народнаго просвѣщенія дойти до Государя, а если до него не допустятъ, грозилъ дойти до Прусскаго короля, а черезъ него подѣйствовать и на русскаго Государя.

Онъ доносилъ даже на цензуру, если она

задѣвала его доносомъ, что цензура не постигаетъ цѣлей правительства и „вмѣсто того, чтобы смотрѣть на духъ сочиненій, привязывается къ однимъ словамъ и фразамъ“.

Каждый свой доносъ онъ начиналъ словами: „я не привыкъ къ тяжбамъ“, и увѣрялъ всѣхъ, что „не доносилъ, а жаловался на обиды, которыя онъ претерпѣваетъ“.

Обиды претерпѣвалъ Булгаринъ отъ всѣхъ писателей. У „совѣсти русскихъ писателей“ Булгарина былъ слишкомъ извѣстный всѣмъ языкъ, и этотъ языкъ, нашептывавшій, чернившій, лгавшій и лицемѣрившій, былъ ненавистенъ всѣмъ честнымъ людямъ.

Бѣлинскій называлъ Булгарина негодяемъ, Герценъ просто презиралъ его, Пушкинъ клеймилъ его своими мѣткими, отточенными, какъ ножъ, стихами...

Этотъ мученикъ за идею, этотъ патріотъ своего отечества, „неподкупный, какъ Іуда“, въ своей газетѣ зарабатывалъ трудами праведными только всего 25,000 рублей серебромъ, его компаніонъ Гречъ столько же.

Безъ всякаго стыда эта „совѣсть писателей“ продавала свое расположеніе по сход-

ной цѣнѣ всякому, кто дорожилъ мнѣніемъ газеты. Булгарину платили, и онъ распинался въ газетѣ за какое угодно предпріятіе; не хотѣли платить, и онъ грязнилъ и поносилъ со всѣмъ краснорѣчіемъ ревнителя общественныхъ интересовъ. Булгарину все было мало. Черезъ своихъ покровителей онъ обращался даже къ императору Николаю съ предложеніемъ написать исторію его царствованія и просилъ на расходы въ ссуду 25,000 рублей, но Булгарину было отказано. Этотъ отказъ глубоко огорчилъ „вѣрнаго человѣка“.

40 лѣтъ простоялъ онъ на своемъ славномъ посту. „Много претерпѣлъ за правду“, а, умирая вскорѣ послѣ паденія Севастополя, онъ говорилъ: „Есть Богъ... и потомство! Можетъ быть, они вознаградятъ меня за мои страданія“.

И потомство оцѣнило его: оно съ презрѣніемъ отвернулось отъ смрадной могилы, гдѣ тлѣютъ кости „патріотическаго предателя“.

По стопамъ Булгарина пошелъ въ шестидесятыхъ годахъ Михаилъ Катковъ, пре-

вративъ „Московскія Вѣдомости“ съ казенными объявленіями въ продолженіе „Сѣверной Пчелы“. Катковъ, бывшій поклонникъ англійскаго парламента и ставшій проповѣдникомъ россійскаго татарскаго кнута, бывшій въ кружкѣ Герцена и Бакунина, Бѣлинскаго и Станкевича и ставшій сподвижникомъ Муравьева-вѣшателя.

Катковъ называлъ свое направленіе „русскимъ“. Свою публицистическую дѣятельность онъ сравнивалъ съ „наблюдательнымъ постомъ“ и главную заслугу свою видѣлъ въ томъ, что „выслѣживалъ враждебныя теченія“.

Если въ устахъ лакея, въ одной изъ комедій Островскаго, фраза: „я здѣсь приставленъ наблюдателемъ“, насъ только смѣшитъ, то эта же фраза въ устахъ Каткова или Грингмута вызываетъ отвращеніе и презрѣніе.

Когда умеръ И. С. Тургеневъ, и весь міръ почувствовалъ, вмѣстѣ съ образованной и мыслящей Россіей, всю тяжесть утраты, понесенной литературой, Катковъ со своего „наблюдательнаго поста“ на гробъ великаго писателя послалъ не лавровый вѣнокъ, а доносъ.

Дѣло въ томъ, что П. Л. Лавровъ въ своемъ заграничномъ изданіи „Впередъ“ напечаталъ некрологъ и замѣтку о поддержкѣ, которую оказывалъ Тургеневъ упомянутому органу. И вотъ, Катковъ спѣшитъ перепечатать эту замѣтку, какъ доказательство злонамѣренности Тургенева, и тутъ же добавляетъ отъ себя объясненіе такой поддержки органа революціонеровъ. Изъ объясненія явствуетъ, что Катковъ признавалъ въ этомъ откупъ отъ травли, которой подвергла въ 60-хъ годахъ Тургенева нигилистическая печать. Во имя „русскаго дѣла“ Катковъ не только выслѣживалъ и доносилъ кому слѣдуетъ, онъ и велъ агитацію среди черныхъ сотенъ.

Когда въ 1878 году 31-го марта была оправдана Вѣра Засуличъ и, оправданная, вмѣсто того чтобы сѣсть въ приготовленную карету, неизвѣстно куда скрылась, Катковъ и другіе „патріоты“ были возмущены и судомъ присяжныхъ, и обществомъ, и самой преступницей... Они метали громы и молніи и, въ безсильной злобѣ, до хрипоты провозглашали „слово и дѣло“.

Но этого мало. Черезъ нѣсколько дней

послѣ этого, нашумѣвшаго на всю Европу, процесса 3-го апрѣля 1878 года произошло избіеніе въ Москвѣ торговцами Охотнаго ряда группы молодежи, провожавшей кареты съ административными ссыльнами...

Катковъ призналъ въ этой демонстраціи выраженіе здравыхъ чувствъ народной массы.

На это посыпались рѣзкіе отвѣты. Одна изъ московскихъ газетъ отвѣтила заявленіемъ, что Катковъ подзадориваетъ дикаго звѣря на учащуюся молодежь. „Голосъ“ и „Биржевыя Вѣдомости“ также не похвалили Каткова. Въ международномъ телеграфномъ агентствѣ появилась телеграмма, извѣщающая, что печать и общество сильно раздражены противъ виновниковъ побоища и ихъ защитника Каткова, извратившаго этотъ гнусный актъ.

Этого мало; появилось обвиненіе, что агенты Каткова подбили молодежь сдѣлать нелѣпый скандалъ, чтобы предать ее кулакамъ мясниковъ.

Еще одинъ случай народной расправы произошелъ не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. Въ Духовъ день, 6-го іюня 1878 года, какой-то проходимецъ, заподозрѣнный въ кражѣ

изъ Апраксина рынка и задержанный дворниками-татарами, пустилъ въ праздничную толпу крикъ: „Православные, татаре бьютъ!“ Произошло побоище... „Голосъ“ провозгласилъ, что это—урокъ, данный въ Петербургѣ „Московскимъ Вѣдомостямъ“ по поводу прославленія ими драки [1]).

Кто же, по мнѣнію Каткова, являлся противникомъ „русскаго дѣла“? Кто, вмѣстѣ съ Герценомъ, Чернышевскимъ, Писаревымъ и зловредными нигилистами, домогался гибели Россіи?

Всегда и всюду поляки. Что бы ни произошло въ Россіи, не соотвѣтствующее видамъ Каткова, тотчасъ послѣдній начиналъ бить въ набатъ и обвинять польскую „справу“, польскую интригу. Въ 1866 году, послѣ выстрѣла Каракозова, какъ вы думаете, кого обвинялъ Катковъ „въ новомъ злодѣяніи“? Опять, какъ и всегда, „польскую справу“, основывающуюся на либерализмѣ и пользующуюся, какъ слѣпыми орудіями, соціалистами-революціонерами.

Не разсчитывая болѣе на поддержку евро-

---

[1]) „Катковъ и его время“, Невѣденскій.

пейскихъ державъ, вожаки „польской справы“, говоритъ Катковъ, постарались примазаться къ, такъ называемой, всесвѣтной революціи. Къ этимъ попыткамъ онъ относитъ происхожденіе интернаціоналки, впервые явившейся на свѣтъ на митингѣ рабочихъ въ Лондонѣ, выстрѣлъ Каракозова и прочая и прочая...

Изъ „польской справы“ черпаютъ русскіе соціалисты денежныя средства. Вѣдь, единственной революціонной организаціей, располагавшей таковыми, была польская. Она выставляла цѣлыя арміи, не говоря уже о массахъ жандармовъ, кинжальщиковъ, жандармовъ-вѣшателей.

Герцена и всѣхъ враговъ стараго порядка Катковъ ненавидѣлъ. Онъ, безъ стѣсненія, клеветалъ на тѣхъ, кто въ печати не могъ защищаться. О Герценѣ онъ писалъ, что тотъ прячется за спины полицейскихъ Лондона.

Весною 1862 года въ Петербургѣ сдѣлались весьма многочисленными пожары. Катковъ, упомянувъ о разбрасываемыхъ прокламаціяхъ, въ которыхъ, впрочемъ, о пожарахъ ничего не говорилось, выразилъ,

хотя и весьма уклончиво, предположеніе о томъ, что не стоятъ ли тѣ и другія явленія въ связи между собою. Позднѣе, самъ Катковъ призналъ данное объясненіе невѣроятнымъ, но, кстати, сдѣлалъ вылазку противъ заграничныхъ refugiés. Онъ замѣтилъ, что послѣдніе, повидимому, считаютъ Россію страною, приспособленною именно къ тому, чтобы излить на нее полный фіалъ всевозможныхъ безумствъ и глупостей, которыя накоплялись въ разныхъ мѣстахъ и всюду отброшены. Указывая на авторитетъ этихъ господъ, онъ объяснялъ его рабскими инстинктами и нравственнымъ несовершеннолѣтіемъ народа. Катковъ опять не назвалъ прямо Герцена, хотя подразумѣвалъ его въ очень прозрачныхъ указаніяхъ...

... Задѣтый намекомъ на нравственную недобропорядочность, Герценъ отвѣтилъ письмомъ, которое просилъ редакторовъ „Современной Лѣтописи“ напечатать. Онъ обращался къ нимъ со словами: „Мы, поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза... кто кого пересмотритъ? Вы спрашиваете, что мы за люди? Можетъ быть, вы слыхали, какъ въ 1849 году въ народ-

номъ собраніи Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, сказалъ ему, спокойно стоя на трибунѣ: „Говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность, и тогда я не картечь вамъ пошлю, а предложу другой бой: здѣсь, съ этой трибуны, я разскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь забуду или пропущу. И пусть разскажетъ мой противникъ свою жизнь“.

Разумѣется, для Каткова это была страшная дуэль. И если бы Катковъ сталъ излагать фактъ за фактомъ свою жизнь, эти факты убили бы этого человѣка безъ направленія, человѣка, который вчера былъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, Герцена и Грановскаго, а сегодня стоялъ въ первыхъ рядахъ поборниковъ кромѣшной тьмы и полицейскаго сыска.

Послѣ польскаго возстанія и Герцена Катковъ обвинялъ въ томъ, что онъ явился орудіемъ въ рукахъ все той же „польской справы“.

По стопамъ Булгарина, Греча и Каткова теперь идутъ Суворинъ, князь Мещерскій, Грингмутъ. „Новое Время“, „Гражданинъ“ и „Московскія Вѣдомости“— вотъ газеты, которыя говорили отъ лица Россіи, пока у Россіи былъ зажатъ ротъ.

Отъ лица Россіи они собирались шапками закидать японцевъ и подъ барабанный бой вопили: „Громъ побѣды, раздавайся“.

Отъ лица русскаго народа они патріотически взвизгивали: „На бой, на бой, другъ милый мой“.

Отъ лица русскаго народа они заявляли, что мужика „драть надо“ и что мужикъ всѣмъ доволенъ, ни въ чемъ не нуждается.

Отъ лица русскаго народа они заявляли, что мужикъ лѣнивъ и работать не хочетъ и что голодъ въ деревнѣ выдуманъ злонамѣренными людьми.

Отъ лица русскаго народа говорили эти истинно-русскіе люди о жидовскомъ союзѣ, о жидовской интригѣ и жидовской печати.

Событія 9-го января въ Петербургѣ эти господа приписывали японцамъ, которые будто бы за 18 милліоновъ подкупили ра-

бочихъ, чтобы они бунтовали и мѣшали побѣдѣ нашихъ войскъ на Дальнемъ Востокѣ.

„Бей жидовъ, бей армянъ, бей поляковъ, бей студентовъ, писателей, бей всѣхъ“... кто противъ тьмы, произвола и насилія— вотъ боевой кличъ „Московскихъ Вѣдомостей“ при редакціи которыхъ стоитъ боевая организація всероссійскихъ громилъ.

„Черныя сотни“, отряды хулигановъ—вотъ дѣтища этихъ газетъ... Ужасы Кишинева, Баку, Гомеля, Курска, Нижняго-Новгорода— вотъ плоды ихъ человѣконенавистнической травли. Клевета, доносъ и ложь—вотъ оружіе этихъ „разбойниковъ пера“.

„Печать слѣдуетъ заставить быть благонамѣренною“—писалъ въ 1882 году князь Мещерскій. Уже въ девяностые годы, вѣроятно убѣдившись въ неисполнимости своего патріотическаго предложенія, этотъ же самый князь, вѣрный послѣдователь Фамусова, предлагавшаго „взять книги всѣ да сжечь“, рекомендовалъ правительству поступить со всей линіей печати подобно тому, какъ поступилъ пророкъ Илія со жре-

цами Ваала: „Отвелъ ихъ Илія къ потоку Киссону и закололъ ихъ тамъ“.

По подсчету газеты „Слово“, издатель „Гражданина“, князь Мещерскій, еще при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинѣ, „стоилъ государственному казначейству около двухъ милліоновъ рублей“. При Сипягинѣ же расходы государственнаго казначейства на сей предметъ, очевидно, не могли уменьшиться. Затѣмъ при Плеве, который вообще не жалѣлъ денегъ, расходы на сей же предметъ тоже, надо думать, не сократились. Такимъ образомъ, если подсчитать, то кормленіе нашего литературнаго воеводы должно исчисляться милліонами рублей казенныхъ денегъ. Замѣчательно, однако, что когда печать швыряетъ въ лицо стараго князя всѣ эти обвиненія, онъ даже не поморщится, принимая ихъ, какъ неизбѣжную непріятность профессіональнаго характера.

Глава VII.

„Муки слова“.

Мы видѣли, какъ развивалось законодательство о печати—этотъ крестный путь живого слова; мы видѣли, какъ цензурный гнетъ усиливался по мѣрѣ того, какъ росли противорѣчія между дѣйствительными нуждами народа и между учрежденіями страны, давно отжившими свой вѣкъ; мы видѣли, какъ гнетъ этотъ становился невыносимымъ, когда происходили народныя возстанія въ другихъ государствахъ и наши охранители стараго порядка начинали опасаться того же и дома.

Теперь еще посмотримъ, какъ дѣйствовали цензоры, призванные охранять тишину, исправлять нравы и воспитывать общество.

Смотрѣть за порядкомъ бумагъ гораздо труднѣе, чѣмъ наблюдать за порядкомъ на улицѣ, хватать за шиворотъ, тащить и не пущать, а цензоры зачастую были не лучше тѣхъ, которые стояли на улицѣ на своемъ посту „для... безпорядку“.

Вмѣсто должнаго направленія въ литературѣ, сообразно съ видами правительства вышелъ рядъ смѣшныхъ и печальныхъ анекдотовъ, которые безпокоили или веселили даже самыхъ благонамѣренныхъ людей.

Аксаковъ, въ истинномъ патріотизмѣ котораго никто никогда не сомнѣвался, боялся отдать цензору грамматику, такъ какъ въ грамматикѣ встрѣчался *родительный* падежъ, а это „могло показаться цензору неприличнымъ“.

Булгаринъ—даже Булгаринъ!—жаловался на цензоровъ, запрещавшихъ писать о театрѣ и не пропускавшихъ выраженій *„небесный* взглядъ“, *„божественный* Платонъ“, *„ангельская* улыбка“...

Архіепископъ Рижскій жаловался на цензора Сербиновича, который въ 40-хъ годахъ заподозрилъ въ ереси катехизисъ митрополита Филарета, по которому и теперь учатся школьники.

Наконецъ, самъ *цензоръ* Никитенко разсказывалъ о своихъ коллегахъ вещи, которымъ не хочется вѣрить, но которымъ нельзя не вѣрить!

По словамъ Никитенко, цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѳметики потому, что между цифрами какой-то задачи тамъ помѣщенъ рядъ точекъ. Цензоръ подозрѣваетъ здѣсь какой-то злой умыселъ составителя ариѳметики.

Разсказываютъ про какого-то цензора, который запретилъ поваренную книгу, такъ какъ въ ней предлагалось ставить пирожки въ печь *на вольный духъ*. Этотъ цензоръ не выносилъ вольнаго духа даже въ печи!..

Въ сороковыхъ годахъ цензоры считали опасными даже сочиненія императрицы Екатерины.

Цензоръ Елагинъ не пропускалъ въ печать сообщеніе, что „картофель боленъ“, такъ какъ въ подобномъ выраженіи усматривалъ хулу на Промыселъ.

Тотъ же цензоръ не пропустилъ въ какой-то географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Безграмотному цензору показалось это невѣроятнымъ и подозрительнымъ, и онъ нашелъ необходимымъ навести на сей предметъ точную справку въ соотвѣтствующемъ департаментѣ.

Графиня Блудова разсказывала о его превосходительствѣ Бутурлинѣ тоже забавный анекдотъ:

„Онъ (Бутурлинъ) хотѣлъ, чтобы вырѣзали нѣсколько стиховъ изъ акаѳиста Покрову Божіей Матери, находя, что *они революціонны!* Батюшка сказалъ ему, что онъ, такимъ образомъ, осуждаетъ своего собственнаго ангела, св. Дм. Ростовскаго, который сочинилъ этотъ акаѳистъ и никогда не считался революціонеромъ; преосвященный же Иннокентій только поновилъ этотъ акаѳистъ, такъ сказать, слогъ устарѣвшій.—„Кто бы ни сочинилъ, тутъ есть опасныя выраженія“,—отвѣчалъ Бутурлинъ. Вотъ эти, по его мнѣнію,

„опасныя“ мѣста: „Радуйся, незримая укрощеніе владыкъ, жестокихъ и звѣронравныхъ... Совѣтъ неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби“ и пр. и пр.—Вы и въ Евангеліи встрѣтите выраженія, осуждающія злыхъ правителей,—сказалъ мой отецъ. —Такъ что жъ?—возразилъ Дмитрій Петровичъ, переходя въ шуточный тонъ,—если бъ Евангеліе не было такой извѣстной книгой, конечно, надобно бъ было цензурѣ исправить ее“.

Всѣ эти факты, такъ мало похожіе на истинную правду и такъ сильно напоминавшіе забавный анекдотъ, относятся къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ и слишкомъ краснорѣчиво отвѣчаютъ на вопросъ: „а судьи кто?“—Кто эти воспитатели общества? Кто эти строгіе цѣнители творчества Бѣлинскаго, Гоголя, Тургенева?...

Но не думайте, что въ наше время нѣтъ больше остроумныхъ цензоровъ, умѣющихъ смѣшить до слезъ своими забавными анекдотами, своими убійственными шутками.

Въ девяностыхъ годахъ нижегородскій цензоръ не позволялъ въ репортерскихъ замѣткахъ говорить „о царицахъ бала“. Выраженіе „мракъ *царитъ*“ онъ замѣнялъ другимъ: „мракъ господствуетъ“.

Екатеринославскій цензоръ запрещалъ писать противъ Крушевана, одного изъ ви-

новниковъ Кишиневскихъ ужасовъ во время еврейскаго погрома.

Тотъ же цензоръ запретилъ напечатать проповѣдь архіерея Антонія, въ которой клеймилось звѣрство громилъ и говорилось объ изнасилованныхъ женщинахъ и „разорванныхъ“ младенцахъ.

Курскій вице-губернаторъ запрещалъ въ „Курской Газетѣ“ печатать во время процесса Дрейфуса извѣстія, благопріятныя этому невинно осужденному еврею.

Лѣтомъ 1905 года въ Томскѣ цензоромъ была зачеркнута рѣчь Государя.

Такихъ *забавныхъ* анекдотовъ сотни тысячъ, но вотъ еще одинъ или, вѣрнѣе, одна *забавная* сценка *).

Въ концѣ іюня 1894 года въ Одессу пріѣхала кафешантанная пѣвица, „премированная красавица Женіори“. Кутящая молодежь и старички сходили съ ума. Каждый вечеръ садъ бывалъ переполненъ. Женіори пѣла скверно, голосъ у нея былъ хриплый, но ноги она поднимала на рѣдкость. Усерднымъ посѣтителемъ сада сталъ градоначальникъ. Хроникеръ „Одесскихъ Новостей“ В. С. Ляпидусъ помѣстилъ неодобрительную замѣтку о дѣвицѣ, не называя ея по имени. Статейка была до такой степени невинная

*) Dioneo: „Страничка изъ исторіи одесской печати“ (стр.54). Сборникъ „Въ защиту слова“.

и безцвѣтная, что цензоръ не тронулъ въ ней ни одного слова, тѣмъ не менѣе градоначальникъ г. Зеленый пришелъ въ ярость и вытребовалъ къ себѣ хроникера и редактора. Произошла такая сцена: г. Зеленый, сжимая кулаки, накинулся на хроникера:

— Сукинъ сынъ!—крикнулъ въ видѣ привѣтствія градоначальникъ.

— Ваше превосходительство, — началъ, было, г. Ляпидусъ.

— Молчать! Сукинъ сынъ! Пархатый жидъ! Какъ ты смѣлъ написать это! Я тебя въ двадцать четыре часа изъ города вонъ! А ты, сукинъ сынъ...—накинулся Зеленый на Старкова.

Редакторъ повернулся и ушелъ.

— Стой, сукинъ сынъ! *(нецензурная брань)*. Я твою газету закрою. Я знаю, у тебя соціалисты тамъ пишутъ! Разорю!

Гдѣ же тутъ „вредное направленіе“, гдѣ вопросы государственной важности?

Гдѣ?—Мы не знаемъ.

За шутками и анекдотами мы можемъ разглядѣть или добросовѣстнаго цензора, который былъ глупъ до остроумія, или администратора, который былъ великъ до смѣшного.

Глупость, дикость и произволъ—вотъ гдѣ вредное направленіе! Вотъ гдѣ вопросъ государственной важности!..

Всѣ эти забавные анекдоты, эта нецензурная цензура господъ Зеленыхъ смѣшны. Но бываютъ страшныя вещи. И объ этихъ страшныхъ вещахъ пишетъ Мякотинъ въ сборникѣ „Въ защиту слова“.

Въ своей статьѣ „Одна страница изъ новѣйшей русской печати“ онъ повѣствуетъ о томъ, какъ цензура зажимала ротъ печати по вопросамъ дѣйствительной государственной важности.

„Еще въ 1877 году состоялось запрещеніе печатать стенографическіе отчеты о политическихъ процессахъ ранѣе появленія такихъ отчетовъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Въ 1880 году послѣдовало воспрещеніе печатать какія-либо свѣдѣнія объ арестахъ по политическимъ дѣламъ и о производимыхъ по нимъ дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, и это запрещеніе было повторено въ 1882 и 85 г.г. Въ 1882 г. было безусловно воспрещено печатать какія-либо свѣдѣнія о политическихъ преступникахъ, а затѣмъ — и о лицахъ, исполняющихъ смертные приговоры надъ ними. Съ тѣхъ поръ политическіе процессы, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они велись путемъ суда, проходили при полномъ молчаніи прессы, а если послѣдняя случайно и сообщала какія-либо свѣдѣнія о нихъ (какъ, напр., въ 1897 г. газеты „Новое Время“ и „Свѣтъ“

о процессѣ Ясевичъ), то главное управленіе по дѣламъ печати сейчасъ же спѣшило напомнить старыя предписанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не допускало и никакихъ сообщеній, заключавшихъ въ себѣ хотя бы и отдаленный намекъ на возможность политической борьбы въ Россіи. Такъ, когда въ 1889 году въ русской прессѣ появилось извѣстіе о происшедшемъ въ Цюрихѣ взрывѣ динамитной бомбы, разглашеніе въ печати такихъ извѣстій было признано „неудобнымъ“ и на будущее время воспрещено.

Усилившееся въ 90 г. движеніе среди городскихъ рабочихъ не замедлило вызвать соотвѣтственныя цензурныя мѣропріятія. „Въ послѣднее время,—говорилось въ циркулярѣ Главнаго Управленія отъ 28 іюня 1893 г., — нѣкоторыя періодическія изданія занялись обсужденіемъ состоянія нашихъ фабрикъ и заводовъ, касаясь при этомъ вопроса объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ; такъ, между прочимъ, были помѣщены статьи въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ по поводу безпорядковъ, происшедшихъ на Хлудовской фабрикѣ, въ „Сынѣ Отечества“ по поводу безпорядковъ на фабрикѣ въ г. Шуѣ, а въ „Новомъ Времени“ печатаются статьи объ Юзовскихъ заводахъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи статьи 140 и 156 устава о ценз. и печ., постановилъ: пре-

кратить вовсе печатаніе такихъ статей, ибо, отличаясь тенденціознымъ направленіемъ и сообщая невѣроятныя свѣдѣнія, онѣ могутъ причинить существенный вредъ".

8 іюня 1896 года Главное Управленіе вновь подтвердило, что „распоряженіе о непечатаніи статей, трактующихъ о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, объ отношеніяхъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ къ хозяевамъ" остается въ полной силѣ. Это подтвержденіе понадобилось въ виду разыгравшейся весною 1896 года громадной стачки рабочихъ на петербургскихъ прядильняхъ и ткацкихъ фабрикахъ. Совершенно замолчать эту стачку оказалось, однако, невозможнымъ. Тогда была избрана другая тактика. Послѣ того какъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось очень неполное сообщеніе о стачкѣ, редакціямъ было предписано „въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ не выходить за предѣлы напечатаннаго сообщенія и съ крайнею осторожностью пользоваться свѣдѣніями, которыя могли бы дойти до нихъ изъ другихъ источниковъ, а, равнымъ образомъ, съ осмотрительностью переходить отъ разсмотрѣнія этихъ событій... къ заключеніямъ относительно общаго положенія всѣхъ фабричныхъ рабочихъ" (циркуляръ 18 іюля 1896 года). Грандіозную стачку, въ которой участвовало

до 30,000 человѣкъ, рекомендовалось, такимъ образомъ, трактовать, какъ событіе почти случайное и, во всякомъ случаѣ, не стоявшее въ связи съ общимъ положеніемъ рабочихъ. Но уже 4 января 1897 года послѣдовало новое распоряженіе не печатать болѣе, вообще, никакихъ статей, замѣтокъ и разсужденій о заработной платѣ, рабочемъ днѣ и отношеніяхъ фабричныхъ рабочихъ къ фабрикантамъ-хозяевамъ.

Такимъ образомъ, пресса вынуждена была хранить мертвое молчаніе о самыхъ жгучихъ вопросахъ народной жизни. Она не могла говорить ни о расхищеніи общественнаго достоянія, производившемся дворянствомъ и промышленниками, ни о разореніи деревни, ни о безпощадной эксплоатаціи фабричныхъ рабочихъ. Связанная по рукамъ и ногамъ, легальная пресса могла быть лишь нѣмымъ свидѣтелемъ угнетенія трудящихся классовъ и ихъ борьбы за свои права, не имѣя возможности вмѣшаться въ эту борьбу, не смѣя ни высказать своихъ симпатій къ народной массѣ, ни освѣтить обществу ея тяжелую жизнь.

Въ голодный 1891 г. у печати не только отнята была возможность говорить объ истинныхъ размѣрахъ тяжелаго бѣдствія, обрушившагося на народъ, и выяснять причины этого бѣдствія, но періодическимъ

изданіямъ было даже воспрещено помѣщать безъ особаго на то разрѣшенія со стороны властей, приглашенія къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ (циркуляръ 12 ноября)...

О чемъ же оставалось писать? О пріемахъ, выходахъ, парадахъ, рожденіяхъ и кончинахъ? Бѣдный писатель извивался, чтобы хоть какъ-нибудь намекнуть, писатель сидѣлъ и обдумывалъ, „какъ бы мнѣ такъ свою мысль высказать, чтобы никто не понялъ“, „какъ бы мнѣ свѣтлую мысль затемнить“.

Вмѣсто страшнаго слова „голодъ“ онъ долженъ былъ употреблять невинное и робкое слово „недородъ“; вмѣсто „голоданіе“—„недоѣданіе“; вмѣсто слова „протестъ“—„заявленіе“; вмѣсто „демонстрація“—„безпорядки“; вмѣсто выраженія „еврейскій погромъ“—„событія конца вѣка“; вмѣсто слова „жандармы“—„желѣзнодорожный посыльный“; вмѣсто прямого отвѣта на проклятые вопросы—„иносказанья и гипотезы пустыя“; вмѣсто вопля негодованія—„шопотъ, робкое дыханье“...

Это ли не рабскій языкъ! Это ли не „муки слова“! Это ли не закрѣпощеніе вольной мысли!

„Проклятье вамъ, мертвыя цѣпи!...“

Глава VIII.

„Свободное слово“.

Въ шестидесятые годы литераторы Курочкинъ, Минаевъ, П. Вейнбергъ и художникъ Степановъ издавали сатирическій органъ „Искру“. Въ № 34 „Искры“ былъ нарисованъ образъ двухъ женщинъ съ надписью подъ первой: „Статья до просмотра цензора“. Подъ другой—„Статья процензурованная“. Первая женщина представлена прилично одѣтой, съ умнымъ, благообразнымъ лицомъ, вторая же съ оборваннымъ донага спереди платьемъ, обезображенной, со всклоченными волосами, убѣгающей въ испугѣ и отчаяньѣ.—Эта картинка прекрасно рисуетъ дѣятельность цензуры, ея борьбу съ вреднымъ направленіемъ, ея исправленіе нравовъ.

Кому и зачѣмъ нужна была эта дѣятельность? Что выиграли отъ такой цензуры тѣ, кто бѣжитъ отъ духа времени на кладбище давно минувшихъ дней, тѣ, кто боится лучей свѣта и прячется во мракѣ?

Цензура пыталась искоренить вредное направленіе изъ произведеній писателей, но то, что вчера еще цензоръ считалъ вреднымъ направленіемъ, „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“, то сегодня уже становилось совершившимся фактомъ, пользу

и значеніе котораго не могло отрицать само правительство.

Въ 1849 году Яковъ Ростовцевъ спрашивалъ у Петрашевскаго и его друзей въ Петропавловской крѣпости: „Не было ли у нихъ преступныхъ разговоровъ объ освобожденіи крестьянъ“, а въ концѣ пятидесятыхъ годовъ самъ Александръ II сталъ во главѣ освобожденія крестьянъ, и Яковъ Ростовцевъ предсѣдательствовалъ въ комитетѣ, обсуждавшемъ вопросы объ освобожденіи.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ *вредное* направленіе было найдено въ „Запискахъ Охотника“ Тургенева, а во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ эта книга была признана полезной и даже стала настольной книгой Александра II.

Въ 1790 году за книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ Радищеву пришлось путешествовать изъ Петербурга въ далекую Сибирь, а теперь въ Саратовѣ имѣется музей имени Радищева, а имя Радищева произносится съ глубокимъ уваженіемъ.

Одиннадцать разъ во Франціи, начиная съ 1789 году, измѣнялись порядки, одиннадцать разъ писалась конституція, то, что считалось полезнымъ вчера, то считалось преступнымъ и вреднымъ сегодня. До 1789 года Бастилія грозила тому, кто осмѣ-

ливался въ печати говорить о вредѣ неограниченной королевской власти, гордо провозглашавшей: „Государство—это я". Въ 1797 г. гильотина или смертная казнь угрожала тому, кто хотѣлъ возстановленія королевской власти и злоумышлялъ противъ республики. Въ 1797 году монархія считалась зломъ, но это не помѣшало Наполеону I превратить республику въ монархію и преслѣдовать печать за вредное направленіе, печать, возставшую противъ его деспотизма.

Вредомъ, обыкновенно, правительство называло то, что не соотвѣтствовало его видамъ, что подрывало престижъ власти, что шатало старый порядокъ.

Жизнь не стоитъ на мѣстѣ, она идетъ впередъ, измѣняетъ взгляды общества, измѣняетъ отношеніе ко всему, что еще недавно считалось священнымъ, неприкосновеннымъ и незыблемымъ. Печать отрицаетъ это развитіе, правительство противится этому развитію, и цензура является средствомъ отстаивать застой. Но гдѣ же вредъ? Тамъ ли, гдѣ критикуютъ то, что уже отжило свой вѣкъ, или тамъ, гдѣ пытаются задержать развитіе страны и заглушить голосъ народа—печать, ратующую за будущее?

Австрійскій министръ Керберъ не такъ давно заявилъ: „Что не можетъ устоять противъ критики, то, очевидно, обладаетъ недо-

статочной жизнеспособностью", а въ Англіи Кромвель говорилъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ: „Мое правительство ничего бы не стоило, если бы не могло выдержать бумажнаго выстрѣла"...

Учрежденія развиваются и разрушаются; слѣдовательно, они нуждаются въ критикѣ. Критика толкаетъ впередъ, она развиваетъ сознаніе тѣхъ, кто идетъ въ хвостѣ событій. Правительство, не допускающее свободы критики, тѣмъ самымъ осуждаетъ страну на застой и задерживаетъ развитіе народа.

На обѣдѣ журналистовъ по поводу открытія Кильскаго канала германскій министръ торжественно обратился къ журналистамъ съ рѣчью, которую закончилъ словами: *„Мы призваны править дѣлами страны, а ваша обязанность критиковать наше правленіе"*.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ власть находится въ рукахъ народа, тамъ не правительство царитъ надъ печатью, а печать надъ правительствомъ. Тамъ дѣятельность правительства критикуется шагъ за шагомъ, тамъ все совершается на глазахъ всего народа, и народъ отъ этого ничего не теряетъ, а правительство помнитъ, что оно для народа, а не народъ для него.

Но,—говорятъ,—печать, критикующая существующій строй, вызываетъ броженіе

умовъ, сѣетъ смуту, поселяетъ недовольство и подстрекаетъ къ мятежу...

Такъ говорятъ тѣ, кто отстаиваетъ намордникъ для печати, кто отстаиваетъ равнодушіе и неподвижность мысли, кто повторяетъ на разные лады: „все обстоитъ благополучно“, кто въ печати видитъ причину революціи, кто съ духомъ времени и съ требованіями жизни сражается краснымъ карандашомъ цензуры и штыками солдатъ.

Но охранители, страдающіе мыслебоязнью, преслѣдованіями печати, приходятъ какъ разъ къ тому, чего боятся. Они раздражаютъ, они возмущаютъ насиліемъ и гнетомъ тѣхъ, кто путемъ печати хочетъ выразить мнѣніе страны. Мало того: „свобода печати даетъ выходъ накопившемуся пару негодованія и предупреждаетъ взрывъ государственнаго котла“. Задержите этотъ паръ, забейте выходъ—и вы ускорите взрывъ. Въ 1830 году во Франціи король издалъ законъ, ограничивающій печать, и этотъ законъ былъ послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія: народъ возсталъ.

Достигаетъ ли, наконецъ, цѣли цензура, если ей удается запретить всѣ тѣ сочиненія, которыя она считаетъ вредными? Можно убить книгу, тысячу книгъ, но кто въ силахъ, какой цензоръ вытравитъ у человѣка недовольство, способность чувство-

вать и мыслить? А если недовольство, если новые взгляды выработаны жизнью, существуютъ—они найдутъ себѣ выходъ.

Во Франціи въ томъ же 1830 году, на другой же день послѣ введенія цензуры, всѣ газеты, преданныя дѣлу развитію, а не застоя, напечатали воззваніе къ народу и безъ всякаго цензурнаго разрѣшенія и даже вопреки запрета.

Когда въ Англіи были запрещены дешевыя газеты во время чартистскаго движенія рабочихъ въ тридцатыхъ годахъ, возникали десятки тайныхъ типографій и распространялись сотни тысячъ „подпольныхъ газетъ“.

У насъ въ Россіи въ разгаръ цензурныхъ преслѣдованій въ пятидесятые годы Герценъ устроилъ въ Лондонѣ вольный станокъ и сталъ распространять, помимо цензуры, тысячи экземпляровъ „Колокола“, и голосомъ страны были не „Сѣверная Почта“ Булгарина и не „Московскія Вѣдомости“ Каткова, а „Колоколъ“ Герцена.

Нужно ли указывать, что въ семидесятые годы, а въ особенности теперь, революціонеры всегда находили пути для печатанія и распространенія книгъ, помимо цензора? Въ каждомъ почти правительственномъ сообщеніи приходилось читать о массѣ листковъ „нелегальныхъ“, распространяемыхъ во время забастовки или собранія.

То и дѣло приходилось читать объ арестѣ нелегальныхъ типографій.

Уже въ 55 году Корфъ представилъ Александру II докладъ о закрытіи негласнаго цензурнаго комитета 2 апрѣля, а въ докладѣ съ прискорбіемъ признавалъ, что: „распространяется *рукописная* литература, гораздо болѣе опасная, ибо она читается съ жадностью *и противъ нея безсильны всѣ полицейскія мѣры*“ (Лемке, 307 стр.).

Съ тѣхъ поръ прошло 50 лѣтъ, распространяется *печатная литература*, и она стала обычнымъ явленіемъ.

Цензура сама по себѣ, а нелегальная литература сама по себѣ!

Революціонеры, которыхъ, главнымъ образомъ, боится правительство, пользуются полной свободой печати.

Защитники твердой и сильной власти, просто, теряются.

Ник. Рубакинъ въ своемъ интересномъ очеркѣ „Читатели между строкъ“ приводитъ сѣтованія земскаго начальника на нынѣшнія времена: „Времена нынѣ не шуточныя... что ужъ тутъ скрывать-то! Лучше въ глаза правдѣ смотрѣть! Среди фабричныхъ и мужиковъ книжки такія ходятъ, какихъ раньше на моей памяти никогда еще не было,—толстыя, со всякими „измами“, которыя только нашему брату читать. А

они читаютъ ихъ со словарями и объясненія непонятныхъ словъ на поляхъ выписываются... Но и это еще что! Нелегальщина завелась! И ея не мало! Въ иныхъ мѣстахъ ея сколько душѣ угодно. Отъ фабричнаго къ фабричному, отъ мужика къ мужику ползетъ, словно зараза. На сходахъ ее читаютъ—это фактъ. А кто и что читалъ—никакими дознаніями не добьешься. А почему? Да потому, что въ унисонъ съ мужикомъ и фабричнымъ говоритъ здѣсь и между строкъ читать не приходится. Вотъ и пришлось по душѣ. И читаютъ, и хранятъ, и другъ другу передаютъ, и, что особенно худо, молчатъ“ [1]).

Добросовѣстный цензоръ зоветъ „сатиру пасквилемъ, поэзію — развратомъ... гласъ правды—мятежомъ“.

Добросовѣстный цензоръ заботливо отдѣляетъ „пшеницу отъ плевелъ“, „вредную мысль исключаетъ“, оставляя „страницы и строки“; „если кто написалъ: *равнодушно* губернатора встрѣтилъ народъ“—зачеркнетъ онъ три буквы — *радушно* выйдетъ... Что же, три буквы не въ счетъ“, а подъ носомъ у добросовѣстнаго цензора изъ рукъ въ руки идутъ листки и книжки безъ всякаго „дозволенія“ и „разрѣшено“.

---

[1]) Сборникъ „Въ защиту слова“, стр. 44.

Напрасно добросовѣстный цензоръ приходитъ въ отчаяніе. Жалко бѣднаго цензора, который становится „лишнимъ“, но происходитъ какъ разъ то, что ему пророчилъ еще Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, говоря:

Повѣрь мнѣ! Чьи забавы
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не знавалъ тебя—мы знаемъ почему!
И рукопись его, не погибая въ Летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ!

Итакъ, цензура преслѣдуетъ вредное направленіе, а оно становится неуловимымъ. Уходитъ въ „подполье“, а оттуда „безъ подписи цензора“ на фабрику и въ деревню.

Но „вредное направленіе“, т.-е. все, что несогласно съ видами и предначертаніями правительства, живетъ не только въ сотняхъ тысячъ листковъ, гуляющихъ безъ подписи. Оно живетъ въ каждомъ словѣ, переходящемъ изъ устъ въ уста на глазахъ цензора, въ каждомъ вопіющемъ фактѣ, въ каждой завѣтной мысли, даже въ краснорѣчивомъ молчаніи... *Они* преслѣдуютъ вспыхнувшій огонекъ, но и здѣсь и тамъ и за ними вспыхиваютъ новые пламенные языки. Это подземный огонь—его не потушатъ никакіе пожарные! Горитъ почва, на которой стоитъ цензоръ. Камни вопіютъ, по которымъ онъ ходитъ.

Какой жалкой, какой мизерной кажется его дѣятельность! Жизнь несется съ ошеломительной быстротой. Она свергаетъ все на своемъ пути, всѣ преграды... Гордо рѣетъ буревѣстникъ, черной молніи подобный... А цензура предварительная гоняется за „словомъ“, явившимся порожденіемъ этого „дѣла жизни“.

Мильтонъ недаромъ сравнивалъ „трусливую политику предварительной цензуры съ поведеніемъ того *чудака*, который вздумалъ не пустить воронъ въ свой паркъ и для этого заперъ ворота“.

У жизни есть ключи, которыми открывались всякіе запоры, у жизни есть пути, которыхъ „не знаютъ наши мудрецы“!

Говорятъ, что цензура спасаетъ общество отъ тѣхъ преступленій, которыя плодитъ разнузданная печать. Путемъ печати злонамѣренныя лица могутъ подстрекать къ разврату, къ убійствамъ, грабежу, къ оскорбленіямъ чести...

Будто россійская цензура спасаетъ насъ отъ этого! Что-то не видѣли мы. На нашихъ глазахъ происходило другое. Цензура даже *поощряла* такія подстрекательства! Развѣ Грингмуту не „разрѣшено“, не „дозволено“ было призывать „черныя сотни“ къ грабежу, къ убійствамъ? Развѣ Крушевану не „дозволено“ было приготовлять въ Киши-

невѣ погромъ и развѣ о Крушеванѣ разрѣшалось писать въ Екатеринославскихъ газетахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли клеймить его дѣятельность? Развѣ Суворины или Юзефовичъ, или Шараповъ не занимаются травлей вотъ уже десятки лѣтъ? Развѣ цензура защищала честь рабочихъ, когда Черепъ-Спиридовичъ клеветалъ на нихъ и говорилъ, что ихъ японцы подкупали бороться за учредительное собраніе и за восьмичасовой рабочій день? Развѣ цензура запрещаетъ клеймить у насъ такія дорогія намъ имена, какъ имена М. Горькаго, Л. Толстого?..

У насъ въ Россіи, гдѣ печать задавлена, господа Грингмуты и Крушеваны *вполнѣ свободно* призываютъ къ убійствамъ, *вполнѣ свободно* позорятъ добрыя имена...

На Западѣ—другое дѣло! Тамъ полная свобода печати, тамъ нѣтъ цензуры, но тамъ есть судъ присяжныхъ для разбойниковъ печати. Тамъ Крушеванъ не ушелъ бы отъ суда, тамъ онъ занялъ бы самое почетное мѣсто среди тѣхъ громилъ-орудій, которыхъ онъ вдохновлялъ на патріотическій грабежъ. Тамъ бакинскіе пожары и ненависть татаръ къ армянамъ не прошли бы безнаказанно для человѣконенавистническихъ газетъ.

Наши цензоры разрѣшаютъ клеветать на

цѣлые классы и націи, разрѣшаютъ распускать нелѣпую басню объ убійствѣ передъ Пасхой евреями христіанскихъ младенцевъ, но попробуйте-ка заикнуться о дѣлѣ избитаго врача Забусова въ томъ городѣ, гдѣ совершилось это вопіющее звѣрство—и цензоръ тотчасъ станетъ спасать доброе имя погибшаго генерала Ковалева.

Несчастный журналистъ „бичуетъ маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ“, но касаться большого вора цензура не разрѣшаетъ, а если и разрѣшаетъ, то изъ политическихъ расчетовъ.

Зато въ Англіи въ передовой статьѣ Reynold's Newspaper (отъ 21 XII 1902 г.), озаглавленной „Наша аристократія“, между прочимъ читаемъ такія строки: „это именно въ домѣ одного изъ родственниковъ лэди Бартонъ *нашъ король*, бывшій тогда еще принцемъ, *оказался замѣшаннымъ въ позорномъ скандалѣ* объ игрѣ въ баккара“ [1]).

Король при всемъ своемъ могуществѣ ничего не могъ сдѣлать противъ этого сообщенія, такъ какъ газета опиралась на дѣйствительныя, неопровержимыя данныя.

Но попробовалъ бы какой-либо журналистъ запачкать доброе имя простого рабочаго,

---

[1]) См. сб. „Печать на Западѣ“, Сатурнинъ: „Печать въ Англіи“ стр. 203.

не имѣя на то основаній. Горе ему! Судъ присяжныхъ сумѣетъ постоять за униженнаго и оскорбленнаго и наказать обидчика.

Тамъ, гдѣ печать свободна, возможны злоупотребленія печатнымъ словомъ, но свободная печать и защищаетъ отъ этихъ злоупотребленій.

На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Свободное слово—это побѣда свѣта надъ тьмой. Это гласъ народа, это *„любви и правды чистыя ученья“*, это контроль народа надъ правительствомъ, это прибѣжище униженныхъ и обиженныхъ, это торжество жизни въ ея развитіи надъ кладбищемъ застоя, это буревѣстникъ, говорящій кормчему: будетъ буря!...

Свободное слово—это то великое благо, котораго лишены Турція, Китай и Россія и которыми пользуется весь культурный міръ.

Проклятье вамъ, мертвыя цѣпи!
Слава свободному слову!